Глава IV.

Авангардъ революціонно-пропагандистскаго движенія въ 1871-72 годахъ: чайковцы, долгушинцы и лавристы. Соціально-революціонное пропагандистское движеніе 74-76 годовъ. „Лавровисты“ („пропагандисты“) и „бакунисты“ („бунтари“ „вспышкопускатели“). Молодые бакунисты-анархисты. Прокламація ихъ: „Къ русскимъ революціонерамъ“. „Сочувствующіе“. Хожденіе въ народъ. Характеристика этого движенія. Итоги. Крушеніе его. Аресты. Личныя воспоминанія.

Въ это время, когда масса молодежи находилась еще на распутьи, передовая часть нашей учащейся молодежи уже окончательно формулировала свои стремленія, опредѣлила окончательно тотъ ближайшій путь, по которому ей надлежало направить свои творческія силы. Я говорю о кружкахъ чайковцевъ, долгушенцевъ и лавристовъ. «Чайковцы» еще съ 1871 г. первые начинаютъ дѣятельную пропаганду среди учащейся молодежи; въ 1872 г. они распространяютъ уже свою пропаганду среди фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ. Дѣятельность ихъ не ограничивается только Петербургомъ, а, черезъ провинціальныхъ членовъ ихъ кружка, пропаганда энергично также ведется въ Москвѣ, Одессѣ, Кіевѣ и др. городахъ. Въ 1873 году многіе изъ членовъ кружка идутъ уже «въ народъ», съ цѣлью соціально-революціонной пропаганды (С. Перовская, Кравчинскій, Клеменсъ и др.). Это—первые пропагандисты. Одновременно съ «чайковцами», съ болѣе рѣшительною боевою программой—программой бунтарства,—выступаетъ небольшой, но энергичный кружокъ Долгушина. Главные члены его: Долгушинъ, Дмоховскій, Панинъ, Гамовъ, Плотниковъ. Этотъ кружокъ первый, еще до появленія бакунинской программы, выступаетъ съ пропагандою немедленнаго призыва народныхъ массъ къ возстанію. Устроивъ въ Москвѣ небольшую тайную типографію, «долгушинцы» напечатали въ ней двѣ прокламаціи: «Къ интеллигентнымъ людямъ» и «Къ русскому народу» и народную брошюру: «Какъ должно жить по закону природы и правды»; затѣмъ они стали распространять прокламаціи и брошюры, обращенныя къ народу, по деревнямъ Московской губерніи. Въ сентябрѣ 1873 года всѣ они были арестованы, а въ іюлѣ 1874 г. были приговорены къ каторжнымъ работамъ и отправлены въ харьковскую центральную тюрьму. Судьба этого перваго бунтарскаго кружка глубоко трагична: всѣ почти члены его погибли. Гамовъ не выдержалъ «централки» и вскорѣ умеръ тамъ, а Плотниковъ съ ума сошелъ. Въ 1881 г. по пути въ Кару, въ иркутской тюрьмѣ скончался отъ натуральной оспы Дмоховскій, душа кружка, золотое сердце. Самъ голова кружка, Долгушинъ, которому уже недолго оставалось до окончанія срока каторги, далъ пощечину смотрителю красноярской тюрьмы во время тюремныхъ безпорядковъ, вызванныхъ побѣгомъ Малавскаго. Это дорого стоило Долгушину: ему былъ удвоенъ первоначальный срокъ каторги, послѣ чего онъ уже не вышелъ изъ тюрьмы. Послѣ извѣстнаго побѣга съ Кары 8-ми человѣкъ, Долгушинъ былъ въ 1882 г. переведенъ сначала въ Петербургскую крѣпость, а потомъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ и умеръ въ 1884 или

1885 г. Такъ погибъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ по индивидуальности и уму революціонеровъ 70-хъ годовъ, первый рѣшительный и энергичный бунтарь. Съ Долгушинымъ и Дмоховскимъ,—говоря попутно,—я познакомился впервые въ 81 г., въ красноярской тюрьмѣ, гдѣ мы, въ ожиданіи дальнѣйшей отправки, пробыли 2 или 3 недѣли. Вся наша тюремная артель,—а артель была велика: въ красноярской тюрьмѣ сошлись три партіи политическихъ арестованныхъ: «централисты» изъ мценской пересыльной тюрьмы и большая группа террористовъ по дѣлу Квятковскаго изъ петропавловской крѣпости, а также всѣ заключенные въ вышневолоцкой пересыльной тюрьмѣ,—приблизительно 100 человѣкъ всѣхъ «государственныхъ»—относилась съ глубокимъ уваженіемъ и симпатіей къ Долгушину и Дмоховскому. Послѣдній былъ у насъ старостой. Гуманный, терпимый къ людямъ, Дмоховскій, какъ староста, былъ незамѣнимъ. Его неожиданная смерть была большимъ горемъ для товарищей. На тюремной могилѣ его, подавленные несчастіемъ, товарищи услышали послѣднее слово, обращенное къ погибшему товарищу, сказанное другимъ великомученикомъ русской революціи И. Мышкинымъ. Послѣднее «прости» Мышкина прозвучало призывомъ къ борьбѣ за великое дѣло освобожденія народа.

Съ Панинымъ, также дѣятельнымъ членомъ долгушинскаго кружка, я познакомился уже въ якутской области, если не ошибаюсь, весною 1883 года. Панинъ жилъ тогда въ Амгѣ, селеніе якутскаго округа. Вмѣстѣ съ Вл. Гал. Короленко, М. А. Натансономъ и М. Ромасемъ, Панинъ завелъ въ Амгѣ небольшое хозяйство: занимались хлѣбопашествомъ, сѣнокосомъ и огородничествомъ; держали пару лошадей. Это было необходимо, потому что надо было кормиться. Панинъ, какъ хорошій хозяинъ, стоялъ во главѣ. Жилось не сладко. Ранніе заморозки, начиная уже съ первыхъ чиселъ іюля, убивали не только урожай, но и огородные продукты. Выручалъ только съ грѣхомъ пополамъ сѣнокосъ. Въ послѣдній годъ пребыванія Панина въ Амгѣ намъ повезло; хлѣбъ уродился хорошо, огородныя овощи—еще лучше. Благодаря урожаю, мы не только оказались въ состояніи, распродавъ часть хлѣба, снабдить Панина необходимыми средствами на дорогу, но и намъ, оставшимся еще въ Амгѣ, досталось на долю достаточно хлѣба. Жила наша артель вполнѣ согласно. Всѣ работали дружно, по своимъ способностямъ. Лучшими работниками по хозяйству были Панинъ, Короленко и Ромасъ. Я, какъ физически слабый, завѣдывалъ домашнимъ хозяйствомъ: пекъ хлѣбъ, варилъ пищу, держалъ въ порядкѣ юрту и т. д. Панинъ работалъ, какъ волъ; очевидно, онъ въ работѣ искалъ забвенья. Всегда занятый, онъ мало говорилъ о своемъ революціонномъ прошломъ. Бывало наѣдутъ къ намъ товарищи изъ сосѣднихъ улусовъ, поднимаются горячіе споры. Панинъ только внимательно слушаетъ и лишь порою, какъ бы невзначай, онъ вставляетъ пару—другую словъ, роняетъ то или другое замѣчаніе, причемъ совершенно неожиданно для насъ обнаруживаетъ большую память и начитанность. Мнѣ казалось, что Панинъ почему-то тщательно прячетъ свои знанія, свой умъ, свои симпатіи. А симпатіи у него были! Онъ былъ очень привязанъ къ

В. Г. Короленко, хотя внѣшнимъ образомъ онъ этого ничѣмъ особеннымъ не выдавалъ. Только при прощаніи съ В. Г. Короленко, Панинъ, обливаясь слезами, сказалъ: «знайте, В. Г., что послѣ Плотникова я васъ больше всѣхъ любилъ!»...

Въ 1884 г. Панинъ по манифесту вернулся на родину.

Въ послѣдній разъ я съ Панинымъ видѣлся въ Тюмени, въ 1886 г., при возвращеніи моемъ на родину. Гдѣ онъ теперь, я не знаю. Такъ сошелъ со сцены весь кружокъ долгушинцевъ, оставивъ послѣ себя не только добрую память, но и дорогой нашему сердцу завѣтъ революціонной борьбы. Этотъ завѣтъ вылился цѣликомъ еще въ прокламаціи этого кружка: «Къ интеллигентнымъ людямъ».

Этотъ документъ интересенъ въ двоякомъ отношеніи: во 1-хъ, какъ обращеніе перецовой части молодежи къ молодежи же, во 2-хъ,—какъ яркое выраженіе революціонной мысли, воли и дѣла въ то время, когда революціонное движеніе 70-хъ годовъ едва только зарождалось. Въ виду огромной важности этой прокламаціи, приводимъ ее цѣликомъ:—«Къ вамъ, интеллигентные люди, которые вполнѣ поняли крайнюю ненормальность современнаго порядка вещей,— къ вамъ мы обращаемся и приглашаемъ васъ итти въ народъ, чтобы возбудить его къ протесту во имя лучшаго общественнаго устройства. Пусть, кто только можетъ, направитъ всѣ свои силы на дѣло народнаго освобожденія и не думаетъ, чтобы какая бы ни была жертва была для него слишкомъ велика. И гдѣ можно болѣе принести пользы? Такъ не въ земствѣ ли, куда рвутся наши молодыя силы, обманутыя внѣшностью? но земство безправно, оно—лживая форма, наполненная и постоянно направляемая рукою деспота, которому никогда не понять, въ чемъ собственно заключается благо народа. Или хотите вы заниматься устройствомъ артелей? но вѣдь это значитъ вливать новое вино въ старые мѣха, потому что артель предполагаетъ принципъ солидарности, а вы хотите втиснуть ее туда, гдѣ абсолютно господствуетъ грубый личный эгоизмъ. Подготовьте же сначала почву, если хотите, чтобы принялось новое растеніе. Вспомните Рочдельскую артель: вотъ вамъ хорошій примѣръ того, какъ вырождается новый принципъ, когда онъ окруженъ старыми несоотвѣственными ему условіями. Благотворительность? но она не выдерживаетъ никакой критики...

Что же еще? Ужъ не хотите-ли быть примѣрными отцами семейства и заняться воспитаніемъ дѣтей, чтобы сдѣлать изъ нихъ людей съ новыми воззрѣніями? или будете вы добиваться такъ называемой личной независимости?.... но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ вамъ придется цѣлую жизнь быть эксплоататорами и паразитами?... Неужели васъ не замучитъ эта гнетущая мысль?... Да! нигдѣ, нигдѣ вы не будете такъ полезны, какъ въ роли народнаго пропагандиста новой лучшей жизни. Вспомните слова Прудона: «Воля и вѣра провозглашались во всѣ времена величайшими силами природы и человѣчества; въ насъ живетъ вѣра въ справедливость нашего дѣла, въ правду нашихъ принциповъ, въ вѣчность нашихъ догматовъ,—намъ-ли не достаетъ воли?».

Неужели мы не представимъ въ одинъ прекрасный день новое зрѣлище людей, убѣжденныхъ и непреодолимыхъ въ ихъ вѣрованіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительныхъ и постоянныхъ въ своемъ предпріятіи? Докажемъ, что мы искренни, что наша вѣра горяча,—и нашъ примѣръ измѣнитъ лицо земли. И не думайте, чтобы русскій народъ не могъ понять васъ и грубо оттолкнулъ бы васъ отъ себя; если это говорятъ иногда, то говорятъ только на основаніи фактовъ, которые всегда доказываютъ только неумѣнье дѣйствовать, а чаще всего отсутствіе искренней преданности дѣлу. Кто не знаетъ, какъ русскій человѣкъ любитъ сочувствіе и какъ онъ умѣетъ цѣнить того человѣка, который страдаетъ его страданіями, лишь только подмѣтитъ эту симпатію? Но если онъ видитъ, что съ нимъ только бобы разводятъ, онъ справедливо раздражается и даритъ презрѣніемъ. Такъ пусть люди, которымъ дорога правда, для которыхъ проводить истину въ жизнь стало органическою потребностью, пусть эти люди идутъ въ народъ, не страшась ни гоненій, ни смерти...

Нашъ лозунгъ—равенство, свобода,
Къ оружію, впередъ, друзья!
Да погибнетъ врагъ народа—
. . . . и бояре, и князья!..»

Третій кружокъ революціоннаго авангарда, открывшій свою пропагандистскую дѣятельность еще въ 1872 г., извѣстенъ подъ названіемъ «лавристовъ» (его не слѣдуетъ смѣшивать съ фракціей лавровистовъ или пропагандистовъ). Лавристы по преимуществу вели дѣло въ городѣ (Петербургъ) среди молодежи, распространяли заграничныя революціонныя изданія, особенно изданіе Лаврова. «Лавристамъ» вмѣстѣ съ «чайковцами» принадлежитъ иниціатива въ изданіи за границей центральнаго органа соціально-революціонной партіи и въ выработкѣ предварительной программы органа. Отъ этихъ двухъ кружковъ были посланы делегаты еще въ 1872 году къ Лаврову для привлеченія его по этому дѣлу. И уже 1 августа 1873 г. вышелъ № 1 «Впередъ»—неперіодическій органъ «пропагандистовъ».

Во главѣ этого кружка стоялъ тогда студентъ выпускного курса м-х. академіи, человѣкъ умный, знающій и энергичный, въ настоящее время врачъ-хирургъ, Л. Г. Самъ Л. Г. пользовался популярностью среди молодежи, его можно было встрѣчать на сходкахъ того времени, на которыхъ онъ всегда выступалъ, какъ умный защитникъ пропаганды соціалистическихъ идей въ Россіи, какъ сторонникъ Лаврова. Онъ вносилъ, благодаря своей начитанности и дисциплинѣ мысли, не только оживленіе въ наши горячіе споры, но и порядокъ и толкъ. Его охотно слушали. Вокругъ него группировался небольшой кружокъ хорошихъ головъ, но,—за исключеніемъ развѣ одного «Антошки», живого, дѣятельнаго и блестящаго,—всѣ люди безъ темперамента, «солидные» люди не по годамъ ихъ, а по направленію ихъ мыслей, по настроенію ихъ. Одного изъ нихъ такъ и назвали «гражданиномъ» за его твердость, сдержанность и спокойствіе въ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ. Онъ те-

перь еще здравствуетъ и, какъ и нѣкоторые другіе члены этого кружка, занялъ почетное общественное положеніе. Въ числѣ членовъ этого кружка,—по крайней мѣрѣ, близкій къ этому кружку,—былъ и Евгеній Степановичъ Семяновскій. Я лично зналъ его мало, но онъ врѣзался въ моей памяти, какъ чрезвычайно симпатичный и благородный образъ мыслящаго человѣка, вотъ по какому случаю. Это было весною 1874 года. Я уже порѣшилъ съ академіей и пошелъ «въ народъ». Настроеніе мое, къ слову сказать, было тогда очень приподнятое, причемъ спеціально въ религіозномъ направленіи.

Я столкнулся съ Семяновскимъ въ тѣсномъ кругу близкихъ товарищей моихъ по выпуску. Вскорѣ между нами завязался горячій споръ на вопросы дня: говорили о пропагандѣ въ народѣ, объ ея задачахъ, о пріемахъ и прочее. Я высказался, между прочимъ, за желательность вести пропаганду въ народѣ, опираясь на евангеліе. Я сослался на недавній опытъ свой въ этомъ направленіи въ Псковской губ. Семяновскій горячо, искренне и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко выступилъ противъ меня. Онъ убѣждалъ меня не поддаваться непосредственному чувству религіозности, а вести дѣло пропаганды въ народѣ, опираясь исключительно на знаніе и реальное мышленіе. Въ отдѣльныхъ случаяхъ,—говорилъ Семяновскій,—можно, пожалуй, пользоваться евангеліемъ, какъ орудіемъ пропаганды, въ отдѣльныхъ случаяхъ такая пропаганда можетъ быть и не безуспѣшной, а потому и цѣлесообразной, но рекомендовать такой пріемъ, какъ методъ, тактику соціалистической пропаганды въ деревнѣ, никоимъ образомъ нельзя: пропаганда должна быть чиста и прозрачна, какъ хрусталь, она должна прояснять, а не затуманивать народное самосознаніе.

Онъ говорилъ такъ убѣдительно, горячо и логично, подкрѣпляя свою аргументацію подходящими ссылками на историческій опытъ европейскихъ народовъ, что не могъ не произвести на меня сильнаго впечатлѣнія. Онъ тутъ же попутно коснулся вообще историческаго значенія религіозныхъ народныхъ движеній, причемъ указалъ на ихъ весьма подчиненную и ограниченную роль въ историческомъ процессѣ. Я отстаивалъ свою точку зрѣнія и указалъ, между прочимъ, на расколъ въ нашей исторіи, какъ на своеобразную форму протеста народа противъ государственнаго гнета, сослался тутъ же на Щапова, а именно: на его «Земство и расколъ». Семяновскій при этомъ чуть-чуть улыбнулся и, обратившись ко мнѣ, проговорилъ мягко: «Не обращайтесь, другъ мой, за справками и поученьями къ нашимъ историкамъ. Наши историки еще не выработали строго-научныхъ методовъ историческаго преподаванія. Учитесь у западныхъ историковъ, тѣ васъ научатъ понимать исторію!» Нашъ споръ, помнится, длился очень долго,—по крайней мѣрѣ, два часа. Но мы не устали,—теоретическій турниръ, наоборотъ, придалъ намъ еще больше бодрости и свѣжести. Мы разстались, крѣпко пожавъ другъ другу руки. Это было послѣднее пожатіе. Больше я съ Евг. Ст. Семяновскимъ не встрѣчался. Въ октябрѣ 1876 года онъ былъ привлеченъ къ суду по дѣлу о пропагандѣ въ войскахъ Спб. военнаго округа и, въ числѣ дру-

гихъ,—Богданова, Дьякова и проч.,—былъ осужденъ на каторгу, гдѣ на Карѣ покончилъ съ собою въ 1881 году.

Вернемся къ нашей молодежи.

Какъ ни велико было значеніе революціоннаго авангарда въ пропагандистскомъ движеніи 70-хъ годовъ, но авангардъ все-таки не армія, а армія, т. е. молодежь въ цѣломъ, еще не была тогда, въ концѣ 1873 г., сформирована, а тѣмъ болѣе мобилизована. Для того и другого необходимо было авторитетное воздѣйствіе, необходимъ былъ боевой кличъ, который объединилъ бы разрозненныя силы молодежи и двинулъ бы ихъ на рѣшительный шагъ. И эта санкція, этотъ лозунгъ пришли, и пришли они, какъ мы уже знаемъ, отъ сильныхъ и авторитетныхъ людей. Этотъ лозунгъ былъ: «въ народъ». Электрическимъ ударомъ пробѣжалъ онъ по массѣ молодежи и всколыхнулъ ее. Молодежь ожила. Не то, чтобы путь, указанный ей ея учителями изъ-за границы, былъ новъ для нея—нѣтъ! Она, молодежь, раньше знала уже, что не миновать ей этого пути. Молодежь всегда тянуло, почти физически тянуло къ народу. Страданія народа глубоко трогали молодежь. Народу надо помочь. Это—ея долгъ, историческій долгъ, который надо во что бы то ни стало уплатить. Надо, стало быть, итти въ народъ. Другого пути нѣтъ. Это, повторяю я, знала молодежь и раньше. Что же новаго для молодежи было въ этомъ лозунгѣ? Новымъ было содержаніе этого лозунга, новой была цѣль, во имя которой мобилизировали молодежь. Правда, «долгушинцы» первые изъ ея же рядовъ поставили предъ нею эту цѣль съ поразительной ясностью и силой.

Но «долгушинцы» и другіе кружки—лишь капля въ общей массѣ молодежи. Чтобы преодолѣть инерцію массы, нуженъ сильный толчекъ, а этотъ толчекъ могли дать только Бакунинъ и Лавровъ, благодаря ихъ авторитету и знаніямъ, опирающимся на западно-европейскій и русскій историческій опытъ. На Западѣ развертывали свое красное знамя «международное общество рабочихъ» и соціалъ-демократія. На Западѣ только два года тому назадъ разыгралась величайшая въ исторіи человѣчества міровая трагедія—Парижская Коммуна. Все это въ общей совокупности и дало опредѣленное рѣшеніе роковому вопросу молодежи: что дѣлать? Итакъ, рѣшеніе найдено. Нѣтъ больше сомнѣній, нѣтъ колебаній. Чистое, какъ хрусталь, настроеніе, цѣльное, почти религіозное чувство охватило молодежь. И, выпрямившись во весь ростъ, она, добрая, свѣтлая, глубоко-вѣрующая, потянулась къ тому,—

„Кто все терпитъ во имя Христа,
„Чьи не плачутъ суровыя очи,
„Чьи не ропщутъ нѣмыя уста,
„Чьи работаютъ грубыя руки,
„Предоставивъ почтительно намъ
„Погружаться въ искусство и науки,
„Предаваться мечтамъ и страстямъ!..“

Итти въ народъ! Что это означало? Это означало не только отдать народу свои силы, свои знанія во имя и ради народной

революціи, но это означало еще—жить его радостями и страданіями, дѣлить съ нимъ его свѣтлыя надежды и горькія разочарованія! А это опять-таки означало: надо оставить высшія учебныя заведенія, оффиціальную науку, разстаться съ родными и близкими, со всѣми привычками и удобствами досужей культурной жизни и, стряхнувши все это съ себя, какъ несправедливое, незаслуженное и вредное, погрузиться на самое дно, въ самую гущу многострадальной народной жизни!.. Нужно, стало-быть, разъ навсегда сбросить съ себя культурную шкуру и предстать предъ народомъ въ его грубо-рабочей шкурѣ.

Таково было тогда настроеніе молодежи: цѣльное, оно должно было вылиться въ неудержимо-самоотверженный порывъ воли. Это было въ концѣ 1873 года. Движеніе среди молодежи растетъ, все повышаясь. Я такого движенія среди молодежи не припомню въ другое время. Новые кружки выростаютъ въ большомъ числѣ. Параллельно съ этимъ возникаютъ и развиваются сходки. Это—митинги молодежи того времени. Пора толкованій, преній и самоуясненій уже миновала, теперь на очереди жгучія проблемы практической дѣятельности—революціонной практики. Изъ-за границы получена масса изданій революціоннаго содержанія: «Впередъ» № 1, «Государственность и анархія» Бакунина, прокламація отъ революціонныхъ обществъ русскихъ анархистовъ, «молодыхъ бакунистовъ»,—Ралли, Эльсница, Голлштейна и пр. Молодежь съ жадностью набросилась на эти изданія, какъ на источникъ живой воды. Программы вожаковъ революціи дебатируются страстно, какъ въ кружкахъ, такъ и на сходкахъ. Живой обмѣнъ мыслей приводитъ къ разслоенію массы молодежи на двѣ группы: группу «радикаловъ», рѣшительно занявшую революціонную позицію какъ въ идейномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи, и группу «сочувствующихъ» лишь направленію первой группы. «Сочувствующіе» активно не выступаютъ въ борьбу, а ограничиваются лишь оказаніемъ всяческаго содѣйствія «радикаламъ»: снабжаютъ послѣднихъ матеріальными средствами, даютъ пріютъ нуждающимся въ этомъ революціонерамъ, снабжаютъ ихъ адресами и пр. и пр.

Среди самой группы «радикаловъ» дифференціація далѣе выразилась образованіемъ двухъ революціонныхъ фракцій—фракціи «пропагандистовъ» или «лавровистовъ» и фракціи «бакунистовъ» или «бунтарей» («вспышкопускателей» тожъ). Какъ показываютъ названія этихъ фракцій, различія въ ихъ революціонной теоріи и практикѣ обусловливаются цѣликомъ различіями тѣхъ программъ, представителями которыхъ являются Лавровъ и Бакунинъ.

Лавровисты или пропагандисты группировались вокругъ программы Лаврова, а бакунисты—Бакунина. Мы уже знакомы съ программами Лаврова и Бакунина, а потому, не останавливаясь больше на нихъ, отмѣтимъ лишь ихъ черты сходства и различія. Какъ лавровистовъ, такъ и бакунистовъ объединяетъ одна великая цѣль: это соціальная, народная революція, осуществленная не только во имя народа, для народа, но и посредствомъ народа.

инициторомъ въ этомъ великомъ дѣлѣ должна быть русская революціонная молодежь. Это—«неоплатный долгъ интеллигенціи предъ народомъ».

Въ этомъ обѣ фракціи революціонной молодежи сходятся вполнѣ. Далѣе идутъ уже разногласія. Лавровисты, согласно ученію Лаврова, требуютъ мирной, серьезной и продолжительной пропаганды соціалистическихъ идей въ народѣ, съ тѣмъ, чтобы этимъ «подготовлять успѣхъ народной революціи, когда она станетъ необходима, когда она будетъ вызвана теченіями историческихъ событій и дѣйствіями правительства». Бакунисты на это отвѣчали: «Мы имѣемъ полную вѣру въ инстинкты народныхъ массъ и понимаемъ революцію, какъ организованный взрывъ того, что называется революціонными страстями, и какъ разрушеніе того, что на томъ же буржуазномъ языкѣ зовется общественнымъ порядкомъ»*).

...«Всякій изъ насъ долженъ понять,—говорили бакунисты,—что въ дѣлѣ революціи самый знающій и самый умный человѣкъ, даже геній, можетъ дать массамъ лишь то, что они уже заключаютъ въ себѣ, въ своихъ дѣйствительныхъ нуждахъ, инстинктахъ и стремленіяхъ; только осмысленную научную формулу того, что они чувствуютъ и желаютъ. Кто дѣйствительно знаетъ народъ, тотъ знаетъ и то, что каждому изъ насъ приходится болѣе получать уроковъ отъ народа, чѣмъ давать ихъ ему. Всякій изъ насъ долженъ понять, что время выдающихся личностей прошло. Владычество личностей было совершенно естественнымъ и логичнымъ въ политическихъ революціяхъ, такъ какъ всякая такая революція имѣла цѣлью замѣну одного правительства другимъ. Оно совершенно неумѣстно и невозможно въ соціальной революціи, которая, имѣя единственною цѣлью освобожденіе массъ, должна уничтожить самый принципъ власти. Въ соціальной революціи можетъ быть мѣсто только для коллективной мысли, воли и дѣятельности.

Программа эта не наша,—это программа народа, ясно выраженная во всѣхъ его стремленіяхъ. Народъ всегда и вездѣ шелъ этимъ путемъ; всегда и вездѣ отклоняли его съ этого единственнаго вѣрнаго пути люди личной иниціативы, мечтавшіе о возможности учить народъ. Только та революція восторжествуетъ, гдѣ учителей этихъ не будетъ. Поэтому повторяемъ, эта программа не есть новая, выдуманная нами, форма, къ которой мы хотимъ приноровить дѣйствія народа; это результатъ изученія народа, народныхъ инстинктовъ и идеаловъ, отрицаніе всякой опеки, всякаго руковожденія народомъ». Такъ формулировали свои взгляды на тактику революціонной дѣятельности въ народѣ обѣ фракціи. Такимъ образомъ, лавровисты, стоя на почвѣ соціализма, проповѣдуютъ мирную пропаганду. Бакунисты же, наоборотъ, опираясь на народные интересы, народныя стремленія и народные идеалы, требуютъ агитаціи въ народѣ «дѣйствіемъ»—

*) Примѣчаніе. Курсивъ вездѣ авторовъ прокламаціи „Къ русскимъ революціонерамъ“. Мы цитируемъ изъ этой прокламаціи наиболѣе характерныя и яркія мысли и взгляды бакунистовъ, особенно молодыхъ.

«бунтами», организаціи въ народѣ «боевыхъ дружинъ путемъ объединенія лучшихъ крестьянъ всѣхъ деревень, волостей и, по возможности, областей между собой» съ цѣлью вызвать всеобщее народное возстаніе.

Нужно отдать справедливость бакунистамъ, что они стояли ближе къ реальной народной дѣйствительности, глубже поняли народную психологію, чѣмъ лавровисты. Отсюда и радикальное различіе въ ихъ взглядахъ на способы и пріемы дѣйствія въ народѣ.

Во всю вторую половину 1873 года молодежь была вся поглощена обсужденіемъ этихъ программъ. Никакихъ споровъ и разногласій не вызвало требованіе обѣихъ программъ дѣйствовать въ народѣ въ положеніи рабочаго человѣка. Это казалось тогда аксіомой,—о чемъ же тутъ спорить? Не въ примѣръ больше споровъ и разногласій возбуждалъ вопросъ о размѣрахъ необходимой для революціонера теоретической подготовки. Лавровисты, какъ пропагандисты, само собою стояли за основательную предварительную подготовку: чтобы учить народъ, надо самому, прежде всего, многому научиться, многое знать и понимать. Бакунисты же, какъ агитаторы, сводили эту предварительную подготовку почти на минимумъ: не намъ-де учить народъ, а, наоборотъ, учиться у него, у народа, намъ слѣдуетъ,—его опытъ богаче нашего, его инстинкты и стремленія надежнѣе, дѣйствительнѣе, чѣмъ наше теоретическое знаніе и руководство. Нѣкоторые въ этомъ отношеніи хватали черезъ край, совсѣмъ отрицали всякую подготовку:—«ну, если хотите, достаточно 4-хъ правилъ ариѳметики и баста!» заявилъ разъ на сходкѣ, при дружномъ смѣхѣ присутствующихъ, одинъ изъ бакунистовъ. Конечно, все это—крайности и преувеличенія, вполнѣ возможныя въ такую горячую пору. Однако, и въ этомъ случаѣ, бакунисты были болѣе искренни и правдивы, чѣмъ лавровисты. Охваченные горячей любовью и преданностью народу, они считали всякую проволочку въ революціонной дѣятельности преступной. Сколько времени надо употребить на подготовку? Что можетъ служить безошибочнымъ критеріемъ моей подготовленности? Кто будетъ моимъ судьею?.. Вѣдь практически это можетъ свестись на то, что придется сидѣть у моря и ждать погоды. «Умственное развитіе», «житейскій опытъ», «выработка твердаго характера»,—все это прекрасно, слова нѣтъ! Но пока мы будемъ все это вырабатывать въ себѣ,—разсуждали бакунисты,—«роса очи выѣстъ» у народа: вмѣсто того, чтобы скорѣе способствовать освобожденію народа, мы своей критической работой мысли будемъ только задерживать это освобожденіе, своимъ развитіемъ, при существующихъ условіяхъ, будемъ только косвенно способствовать его угнетенію. Я долженъ при этомъ замѣтить, что молодежь,—по крайней мѣрѣ, по отношенію къ этому вопросу,—стояла цѣликомъ на сторонѣ бакунистовъ. Я помню хорошо, какъ оскорбила молодежь одна статья изъ «Впередъ»,—кажется, № 2,—трактовавшая эту тему слишкомъ ужъ въ доктральномъ тонѣ. «Не думаетъ ли редакція «Впередъ» открыть приготовительные курсы для революціонеровъ съ преміей на аттестатъ революціонной зрѣлости?»—

спрашивали мы другъ друга огорченные. Во всякомъ случаѣ жизнь не удается загнать въ испанскіе сапоги: проповѣдь «основательной подготовки» не удержала молодежи отъ охватившаго ее страстнаго стремленія двинуться въ народъ, и ужъ весной 1874 г. все было готово къ походу.

Весною 1874 г. волна революціонно-пропагандистскаго движенія въ Петербургѣ достигла своей крайней высоты. Кружки и сходки прекратились. Онѣ теперь ужъ не нужны. Всѣ вопросы рѣшены. Время ужъ итти въ народъ. Надо приготовить все необходимое для этого. Но прежде всего нужно научиться физическому труду. И работа закипѣла. Одни отправляются на заводы, фабрики, гдѣ, съ помощью спропагандированныхъ рабочихъ, устраиваются и приступаютъ къ работѣ. Поступокъ этихъ студентовъ импонируетъ товарищамъ, примѣръ ихъ заразителенъ. Тѣ, которые почему-либо не могутъ послѣдовать этому, страдаютъ отъ огорченія. Другіе,—такихъ было, если не ошибаюсь, большинство,—бросаются на изученіе ремеслъ,—сапожнаго, столярнаго, слесарнаго и пр. Этому можно скорѣй научиться, да и ремесло пригодится въ ссылкѣ. Надо быть готовымъ. Во многихъ частяхъ Петербурга,—на Выборгской, Петербургской сторонахъ, въ Измайловскомъ полку, на Васильевскомъ островѣ и проч.—открываются такія мастерскія, въ которыхъ выучка, подъ руководствомъ опять-таки рабочаго-революціонера, идетъ довольно успѣшно. Война, говорятъ, родитъ героевъ. Революціонная необходимость научиться ремеслу обнаружила положительно таланты по этой части среди нашей молодежи.

Мастерскія, устраивавшіяся молодежью, были всѣ почти на одинъ манеръ. Мастерскія были одновременно и «коммунами». Зайдемъ въ такую мастерскую-коммуну. Небольшой деревянный флигель изъ трехъ комнатъ, съ кухней, на Выборгской сторонѣ. Скудная мебель. Спартанскія постели. Запахъ кожи, вара бьетъ въ носъ. Это—сапожная мастерская. Трое молодыхъ студентовъ сосредоточенно работаютъ. Одинъ особенно занятъ прилаживаніемъ двойной толстой подметки къ ботфортамъ. Подъ подошву надо спрятать паспортъ и деньги—на всякій случай. У окна, согнувшись, вся ушла въ работу молодая дѣвушка. Она шьетъ сорочки, шаровары, кисеты для своихъ товарищей, собирающихся на-дняхъ итти въ народъ. Надо торопиться—и иголка такъ и мелькаетъ въ воздухѣ. Лица—молодыя, серьезныя, бодрыя и ясныя. Говорятъ мало, потому что некогда. Да и о чемъ разговаривать? Все уже рѣшено, все ясно, какъ день.

То же самое и при встрѣчахъ на улицахъ. Лаконическіе вопросы: «куда направляетесь? куда ѣдете?..» и такіе же отвѣты: «На Волгу! на Уралъ! на Донъ! на Запорожье!..» И т. д. и т. д. въ этомъ родѣ.

Крѣпкія рукопожатія и всяческія благія пожеланія. Въ путь дорогу!..

Это революціонная молодежь, полная вѣры въ народъ и въ свои собственныя силы, охваченная какимъ-то экстазомъ, потянулась въ далекій невѣдомый путь. Позади остались дорогіе образы родныхъ и близкихъ, вошедшіе въ кровь и плоть, культурныя при-

вычки, высшія учебныя заведенія, съ ихъ «правами и льготами». Всѣ корабли сожжены. Возврата нѣтъ.

Пропаганда разлилась по всей Россіи. Она охватила 37 губерній, по оффиціальнымъ даннымъ. Арестовано было больше 1000 чел., все цвѣтъ учащейся молодежи. Они томились въ крѣпостяхъ, тюрьмахъ и казематахъ. Ужъ одно число арестованныхъ, сосланныхъ еще до суда, отданныхъ подъ надзоръ и пр. указываетъ на то, что революціонное движеніе молодежи 70-хъ годовъ отличалось массовымъ характеромъ. Уходили въ народъ небольшими организованными группами—«кружками»—въ 15 - 20 чел. и больше, уходили и въ одиночку.

Это—«вольница», лица, предпочитавшія все дѣлать на свой страхъ и рискъ, не укладывавшіяся въ тѣсныя рамки «кружковщины».

Говорятъ, что революціонное движеніе 70-хъ годовъ было не только массовымъ, но и стихійнымъ. Мы сами когда-то думали такъ. Но это не совсѣмъ вѣрно. Подъ стихійнымъ движеніемъ разумѣютъ неорганизованное, лишенное всякой планомѣрности движеніе. Это—взрывъ чувствъ, накопляющихся годами и выливающихся наружу въ судорожной, такъ сказать, рефлекторной формѣ.

Такъ дѣйствуетъ безсознательная природа. Движеніе молодежи не было таковымъ, хотя эмоціональный элементъ въ немъ несомнѣнно преобладалъ. Движеніе молодежи подготовлялось исподволь, подъ вліяніемъ опредѣленныхъ общественныхъ моментовъ, постепенно оно созрѣвало, пока не вылилось окончательно въ опредѣленную форму. Массовому движенію предшествовало движеніе организованнаго меньшинства молодежи. Само же массовое движеніе молодежи отнюдь не было безформеннымъ, неорганизованнымъ—оно не было централизованнымъ,—это правда!, но неорганизованнымъ его нельзя назвать! Я помню хорошо, какъ зимою 1873 г., на сходкахъ, а особенно въ кружкахъ самымъ тщательнымъ образомъ обсуждался вопросъ о выступленіи, о походѣ молодежи: намѣчались тѣ мѣста, которыя, на основаніи историческихъ справокъ, оказывались наиболѣе благопріятными для революціонной дѣятельности—туда мобилизація молодежи и была направлена. Слѣдовательно, не совсѣмъ ужъ она была такъ слѣпа, какъ думаютъ многіе. На излюбленныхъ молодежью мѣстахъ она устраивалась не зря, а по плану: въ ближайшемъ городѣ заводился «центръ», въ которомъ и сосредоточивались всѣ административныя функціи кружка: пріисканіе пристанища, завязываніе связей, добываніе паспортовъ, денегъ и различныхъ свѣдѣній.

Я не стану здѣсь перечислять всѣ революціонные кружки того времени. Это заведетъ меня слишкомъ далеко. Я назову еще «московскій кружокъ 50» или, какъ насмѣшливо окрестили лавристы — «кружокъ цюрихскихъ барышенъ», кружокъ Жебуневыхъ, кружокъ «Кіевской коммуны»...

Эти кружки отнюдь не дѣйствовали совершенно особливо: они вступали въ федеративныя связи съ другими кружками, по поводу

тѣхъ или другихъ услугъ, въ которыхъ могли нуждаться. Общность цѣлей и стремленій обязывала, помимо формальныхъ договоровъ, къ такой солидарности. И кружки не только другъ друга поддерживали, чѣмъ могли, въ этой общей революціонной работѣ, но и оказывали большую поддержку и одиночкамъ. Указываютъ на ошибки и промахи этого движенія, роковымъ образомъ приведшія его къ провалу, какъ на доказательство его стихійности и неорганизованности. Ошибки и промахи были—слова нѣтъ! но это были неизбѣжныя ошибки новичковъ въ революціи, за которыми тогда еще не было ни революціоннаго опыта, ни преемственности, ни традиціи. Движеніе было громадное, порывъ былъ неудержимый. Немудрено было при такихъ обстоятельствахъ надѣлать много промаховъ и ложныхъ шаговъ и при наличности даже стройной, строго выдержанной, централизованной организаціи. Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ...

Оглядываясь теперь назадъ на путь, пройденный молодежью въ 74-мъ году, мы не можемъ не видѣть той поразительной энергіи и предпріимчивости, какую сумѣла развернуть молодежь за это короткое время. Не забудемъ опять-таки, что это были первые ея шаги, не забудемъ также того настроенія, которое она тогда переживала. Это былъ порывъ, аффектъ, выражаясь психофизіологическимъ языкомъ.

Потребность въ пропагандѣ своихъ идей была такъ непреодолима, такъ властна, что революціонеръ не могъ не отдаться ей всецѣло. Немудрено, поэтому, что революціонеръ нерѣдко пускался въ воду, не спросивши броду. Я слышалъ отъ многихъ моихъ товарищей, какъ глубоко они страдали, когда имъ почему-бы то ни было не удавалось ужъ въ теченіе 3—5 дней вести пропаганду. Ихъ мучило сознаніе своей вины передъ народомъ, ихъ мучила отвѣтственность передъ товарищами. Это такъ. И я знаю это—tranchons le mot!—по собственному опыту. Я самъ переживалъ такіе моменты. Примѣръ. Ѣду въ 1874 г. домой черезъ Харьковъ. Въ Харьковѣ встрѣчаюсь съ хорошей моей знакомой «радикалкой»—медичкой (нынѣ женщина-врачъ) В. П. И—цкой. Мы съ ней пошли въ университетскій садъ. Была чудная лѣтняя ночь. Углубившись въ садъ, мы вдругъ услышали хорошее малороссійское пѣніе. Пѣли сильные мужскіе голоса. Насъ такъ и потянуло къ нимъ. Пошли. Скоро мы натолкнулись на небольшую группу солдатъ харьковскаго гарнизона. Это они-то и пѣли. Поздоровались и попросили позволенія слушать пѣніе. Солдаты были польщены просьбой миловидной барышни, и пѣсни полились съ новой силой. Незамѣтно мы завязали разговоръ, — безразличный, помнится. Но мнѣ ужъ становилось не по себѣ: захотѣлось пропагандировать. И я началъ говорить горячо, молодо... Помню, что 4—5 человѣкъ солдатъ изъ этой группы черезъ нѣкоторое время ушли, тепло распрощавшись съ нами; осталось лишь двое. Мы сѣли на скамейку и пропаганда, уже болѣе интимная, продолжалась. Солдаты слушали насъ съ интересомъ. Въ особенности насъ поразилъ одинъ изъ нихъ, по фамиліи Н—овъ. Умный, развитой и вдумчивый,—онъ весь былъ одно вниманіе. Бесѣда продолжалась съ часъ времени.

Потомъ, проводивъ В. П. на ея квартиру, мы пошли въ... кабакъ. Солдаты захотѣли выпить, а мнѣ не хотѣлось оборвать пропаганду. Водка была отвратительная, но я глоталъ эту гадость, не желая отстать отъ компаніи. Это былъ первый мой опытъ пропаганды, и мнѣ казалось, что если я буду пить съ тѣми, которыхъ я пропагандирую, то это меня сблизитъ съ ними. Мы засидѣлись въ кабакѣ до поздней ночи. При прощаніи Н—овъ попросилъ меня, чтобы я съ нимъ еще разъ повидался. Мы условились встрѣтиться на другой день. Мы дѣйствительно встрѣтились въ условленномъ мѣстѣ,—помнится, что это было на Московской улицѣ. Я передалъ Н—ву списокъ книгъ для чтенія, нарочито мною составленный для него, по его просьбѣ, и повелъ его къ медику Витте для дальнѣйшей его обработки. Таковъ одинъ только фактъ изъ моей практики. Само собою, что «благоразумнаго» въ моемъ поступкѣ ничего не было: вѣдь я могъ легко нарѣзаться на серьезный скандалъ, чтобы не сказать больше. Но я иначе тогда поступить не могъ. Съ моей стороны это не было ухарствомъ—къ подобнымъ штукамъ я по натурѣ своей не способенъ! Не было это также и легкомысліемъ... Что же меня все-таки толкнуло на такой рискованный шагъ? Одно и только одно: непреодолимая потребность пропаганды, страстное желаніе подѣлиться моими мыслями, стремленіями съ людьми, которые показались мнѣ въ то время почему-то способными понять меня. Это—прозелитизмъ, которымъ я, какъ и вся революціонная молодежь того времени, былъ охваченъ. Какъ отъ него освободиться? Онъ—всесиленъ: онъ толкаетъ на геройскіе подвиги, но можетъ практически вылиться и въ смѣшную форму, натолкнувшись на житейскую ограниченность, пошлость, можетъ вылиться и въ трагическую — встрѣтивъ подлость, трусость и предательство. Такъ, какъ я поступилъ тогда, поступали десятки, сотни моихъ современниковъ. Молодежь переживала тогда состояніе прозелитизма. Она набрасывалась съ горячностью на пропаганду, она не хотѣла, она не могла ждать.

И рядомъ съ неизбѣжными, вполнѣ понятными ошибками, она могла совершить въ такомъ настроеніи также и великія дѣла. Пропагандисты 70-хъ годовъ, къ сожалѣнію, не успѣли вершить ихъ, но подвигъ они все-таки совершили! И этотъ подвигъ заключался въ той беззавѣтной рѣшимости, съ какой пропагандисты, обрекая себя на гибель, выступили на революціонный путь. Въ этомъ подвигѣ заключался залогъ возможной побѣды. Къ сожалѣнію, русская дѣйствительность тогда такъ сложилась, что разсчитывать на такую побѣду въ скорости нельзя было. Мы это почувствовали уже въ концѣ 74 года, когда наше массовое хожденіе въ народъ, наше «паломничество» потерпѣло такое сильное крушеніе. Разбитые на голову, мы бросились въ города, въ университетскіе, въ особенности, стараясь собрать наши разсѣянные легіоны. Не всѣ еще, слава богу, заарестованы, не всѣхъ еще захватили правительственныя ищейки-жандармы и прокуроры. Уронъ мы получили значительный, но не все еще было потеряно. Молодежь не потеряла головы, но прежняго беззавѣтнаго увлеченія уже не было.

Жизнь намъ дала хорошій серьезный урокъ и заставила насъ

поразмыслить надъ тѣмъ, что произошло. Она, суровая и безжалостная, заставила насъ, увлекающихся, научиться болѣе правильному, болѣе объективному, болѣе реальному пониманію условій и требованій дѣйствительности. Конечно, это не сразу намъ далось, но работа въ этомъ направленіи уже началась, т. е. начался пересмотръ наличнаго идейнаго революціоннаго содержанія—его теоріи и практики. Мы еще не знали тогда—это было въ концѣ 74 г. и въ первую половину 75—къ чему мы придемъ, но переломъ уже начался, и элементы ближайшей необходимой эволюціи нашего революціоннаго развитія уже выкристализовывались. Прежде всего отъ насъ отдѣлилась часть молодежи, втянувшаяся въ революціонный процессъ, въ періодъ хожденія въ народъ, подъ вліяніемъ подражанія, внушенія—если хотите-психической заразы. Это неизбѣжно бываетъ при всякомъ массовомъ движеніи и также имѣло мѣсто и въ нашемъ. Обособившаяся, так. обр., революціонная молодежь, хотя тогда не сорганизовалась еще въ стройное, согласованное во всѣхъ своихъ частяхъ единое цѣлое, но зато она, такъ сказать, болѣе рѣзко и опредѣленно отмежевалась отъ всей массы прочей молодежи. И дальше.

Весной 1874 г. въ народъ ушли, какъ оказалось потомъ, многіе отнюдь не съ революціонными цѣлями: ушли, чтобы узнать народъ, испытать свои силы, научиться работать и проч. Многіе изъ этихъ послѣднихъ совершенно отстали отъ общаго революціоннаго движенія въ народъ, намѣтивъ себѣ другіе пути дѣятельности; одни, напр., сосредоточили свою работу исключительно въ городахъ, работая среди ремесленнаго, фабричнаго и заводского населенія. Это, во 1-хъ, не выбивало ихъ изъ обычной жизненной колеи, не требовало отъ нихъ жертвъ и лишеній, неизбѣжно связанныхъ съ работою въ народѣ: студенты, напр., продолжали свои занятія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и жертвовали для пропаганды среди городскихъ рабочихъ лишь своимъ досугомъ. А во 2-хъ, работа въ городѣ,—что казалось имъ особенно важнымъ, представлялась и болѣе цѣлесообразною и болѣе производительною. Цѣлесообразною потому, что они считали городскихъ рабочихъ болѣе воспріимчивыми къ пропагандѣ соціализма, чѣмъ деревенскихъ, а, слѣдовательно, и возможный успѣхъ этой пропаганды, при равенствѣ всѣхъ прочихъ условій, оказывался болѣе обезпеченнымъ, т. е. затраченный на пропаганду трудъ болѣе производительнымъ.

Сторонники этихъ взглядовъ впослѣдствіи сформировались въ группу революціонной молодежи, извѣстную подъ именемъ «марксистовъ». Впрочемъ, мы вернемся къ нимъ ниже.

Такимъ образомъ, съ отпаденіемъ отъ массы революціонной молодежи той части ея, которая случайно пристала къ ней, а также и городскихъ пропагандистовъ, осталась еще значительная часть молодежи, до конца вѣрная лозунгу: «въ народъ!...»

Нашъ первый революціонный опытъ въ народѣ—говорили мы—продолжался слишкомъ короткое время и притомъ протекалъ съ такой стремительностью и торопливостью, что было бы совер-

шенно непозволительно дѣлать на этомъ основаніи какіе-либо выводы о своевременности или несвоевременности всеобщаго возстанія, о трудности или легкости вызвать въ народѣ частный бунтъ, о томъ или иномъ значеніи пропаганды въ деревнѣ, это— во 1-хъ. А, во 2-хъ—летучая пропаганда, которую мы такъ широко практиковали въ 1874 г., оказывается совершенно нецѣлесообразною, какъ пріемъ борьбы. Она могла бы имѣть значеніе въ томъ лишь случаѣ, когда революціонное настроеніе массы оказалось бы вполнѣ созрѣвшимъ, когда слово, слѣдовательно, должно было сыграть роль искры, превращающей въ пожаръ горючій матеріалъ народной жизни. Надо, поэтому, говорили мы,— осѣсть на одномъ мѣстѣ, пожить нѣкоторое время въ народѣ, чтобы, согласно указаніямъ опыта, внести—буде это окажется нужнымъ—тѣ или другія измѣненія въ нашу программу или тактику. Движеніе въ народъ не прекращалось. Правда, оно не имѣло того массового характера, какимъ оно отличалось весною 1874 г., но зато оно оказалось болѣе опредѣленнымъ и вдумчивымъ. Подготовлялся поворотъ къ новому направленію въ революціонномъ движеніи. Окончательно же этотъ поворотъ опредѣлился въ ближайшемъ будущемъ.

Таковы итоги перваго опыта хожденія въ народъ.

Въ то время, когда описываемыя мною событія 1873—74 гг. все болѣе и болѣе развертывались, я былъ студентомъ 5-го курса м.-х. академіи и готовился уже къ окончательному экзамену. Я былъ студентомъ занимающимся, работящимъ. Товарищи и нѣкоторые профессора считали меня однимъ изъ возможныхъ кандидатовъ, которые ежегодно оставляются при академіи для «усовершенствованія въ наукахъ». Я и самъ объ этомъ мечталъ.

Моими любимыми занятіями были патологическая анатомія и терапія. Мои первые учителя въ этихъ областяхъ, Рудневъ и Манасеинъ, безповоротно опредѣлили мой выборъ. Это были самые лучшіе наши учителя въ академіи. Особенно Манасеинъ не жалѣлъ себя: онъ работалъ съ нами и вечеромъ, по окончаніи лекцій, и рано утромъ— до начала ихъ. И Рудневъ, и Манасеинъ положили прочный фундаментъ нашимъ медицинскимъ знаніямъ: Рудневъ—по патологической анатоміи, Манасеинъ—по методамъ клиническаго изслѣдованія. Я много работалъ по своей спеціальности. Но это не заглушало во мнѣ потребности къ общему развитію, залегшей во мнѣ крѣпко еще съ послѣднихъ классовъ гимназіи. Тогда Писаревъ владѣлъ мною всецѣло. Онъ будилъ мысль, толкалъ къ развитію.

Во время студенчества кружки продолжали начатое Писаревымъ. Я тщательно работалъ надъ собою, чтобы выработать изъ себя «критически-мыслящую личность», но, какъ я ужъ сказалъ, не пренебрегалъ и своей спеціальностью. Да и не могъ, если бы захотѣлъ. Спеціальныя занятія давали столько положительнаго матеріала для знанія, такъ обогащали умъ фактами реальнаго мышленія, что не только не тормазили общаго развитія, но

способствовали ему, расширяя и углубляя его. Какое глубокое, помню, впечатлѣніе произвела на меня «Целлюлярная Патологія» Вирхова, хотя и значительно уже устарѣвшая въ то время! Тутъ дѣйствовали и философское мышленіе ученаго, и научная методологія его. Мимоходомъ замѣчу, что совершенно тождественное впечатлѣніе на меня произвели такіе труды, какъ «Ученіе о жизни» Биша, «Происхожденіе человѣка» Дарвина, «Капиталъ» К. Маркса, «Очерки политической экономіи» Чернышевскаго и проч., проч.

Мои медицинскія занятія и обще-образовательная работа шли параллельно, дополняя другъ друга. Начавшееся революціонное движеніе среди молодежи, конечно, захватило и меня. Но я на первыхъ порахъ долго не поддавался ему. Не то, чтобы я былъ принципіальнымъ противникомъ его—о, нѣтъ! я тогда ужъ былъ соціалистомъ. Предшествовавшая работа мысли привела меня роковымъ образомъ къ соціализму.

Меня смущало сильно совсѣмъ другое обстоятельство: мнѣ казалось, что преждевременно еще выступать съ пропагандою соціалистическихъ идей въ народѣ, какъ это настойчиво требовала молодежь. Русскій народъ—говорилъ я,—недавно только вышелъ изъ крѣпостного состоянія, онъ почти не жилъ историческою жизнью, онъ теменъ и невѣжественъ, робокъ и забитъ,—гдѣ же ему понять то ученіе, которое народилъ многовѣковой тяжелый историческій опытъ на Западѣ?... Соціализмъ на Западѣ купленъ дорогой цѣною: ему предшествовала Великая Французская Революція, революція 48 года, его создалъ западно-европейскій соціальный строй; тамъ это ученіе имѣетъ свой raison l'être, тамъ оно ученіе пролетаріата. Мнѣ на это возразили:—«Вы не знаете народа, не знаете русской исторіи!...»

И то, и другое было правда. Народа я не зналъ, такъ какъ родился въ городѣ, деревни почти что не видалъ, да, кромѣ того, я—былъ чужимъ этому народу по крови. Русскую исторію я тоже плохо зналъ. Признаться, не любилъ я ея. Ужъ очень скучной она мнѣ казалась. И я, такой любознательный и прилежный, прочитавшій такъ много по исторіи Запада, а особенно по исторіи революціонныхъ движеній на Западѣ, ничего не читалъ по русской исторіи. Мнѣ казалось, что она ничего не можетъ сказать ни моему уму, ни моему сердцу. Это, конечно, было заблужденіе, обычное заблужденіе невѣжества. Молодежь задала мнѣ за это порядочный нагоняй. Мнѣ указали на цѣлый рядъ нашихъ историковъ, труды которыхъ проливаютъ яркій свѣтъ на наше прошлое; мнѣ указали на то, что это прошлое отнюдь не бѣднѣе красками, драматизмомъ событій, содержательностью, чѣмъ исторія западныхъ народовъ; мнѣ указали, дальше, на то, что исторія русскаго народа меня научитъ понять, уважать и любить народъ; что, наконецъ, изъ исторіи русскаго народа я узнаю, что онъ отнюдь не такъ далекъ отъ соціализма, какъ я полагаю. Я взялся за русскую исторію. Соловьевъ, Костомаровъ, Бѣляевъ, Аристовъ, Хлѣбниковъ, Щаповъ, Мордовцевъ, Антоновичъ и др. появились на моемъ столѣ и прочитывались отъ доски до доски. Нѣкоторыхъ

книгъ нельзя было тогда достать въ книжныхъ магазинахъ; приходилось разыскивать ихъ у букинистовъ. Костомаровъ, Бѣляевъ и Хлѣбниковъ на меня произвели сильное впечатлѣніе. Русская исторія, дѣйствительно, сдѣлалась болѣе понятною мнѣ. Хлѣбниковъ особенно меня поразилъ новизною историческаго взгляда: я бы сказалъ теперь, что въ свое историческое изслѣдованіе онъ внесъ матеріалистическое пониманіе исторіи. Помнится, что меня тогда особенно удивилъ его тщательный анализъ экономическаго состоянія различныхъ общественныхъ группъ тогдашней Россіи.

Кромѣ работъ по исторіи, мнѣ предстояло еще познакомиться съ изслѣдованіями, касающимися различныхъ сторонъ современной русской дѣйствительности—общины, обычнаго права, раскола и сектантства и пр. Я со всѣмъ этимъ справился, а остальное додѣлали товарищи, кружки и сходки. Къ веснѣ 1874 года я былъ совершенно готовъ. Я рѣшилъ оставить академію и пойти въ народъ. Предо мною встали нѣкоторыя, совершенно спеціальныя для меня затрудненія.

Я—еврей. Меня сильно смущало это обстоятельство. Какъ отнесется народъ къ моей пропагандѣ—придастъ ли онъ ей вѣру или нѣтъ? Я высказалъ свои опасенія товарищамъ. Меня успокоили тѣмъ, что изъ всѣхъ народовъ русскій народъ менѣе всего нетерпимъ въ національномъ и вѣроисповѣдномъ отношеніяхъ,—во-первыхъ, а во-вторыхъ, внѣшность у меня не типично-еврейская и рѣчь совсѣмъ хорошая, а потому стоитъ-де мнѣ лишь переодѣться въ рабочій костюмъ и огрубѣть внѣшнимъ образомъ—такъ я сойду за русскаго человѣка.

Я рѣшилъ научиться ремеслу какому-нибудь, такъ какъ по слабому моемъ тѣлосложенію въ чернорабочіе я совершенно не годился. Но все-таки я рѣшилъ попытаться и съ этой цѣлью написалъ письмо къ Энгельгардту въ Смоленскую губ., въ которомъ я изложилъ ему мои мотивы, по которымъ я бы желалъ научиться крестьянской работѣ. У Энгельгардта въ то время—къ слову сказать,—ужъ работали интеллигентные люди. Суровый рабочій режимъ, въ который Энгельгардтъ съ самаго начала поставилъ «интеллигентовъ», казался мнѣ хорошей предварительной школою для будущаго пропагандиста. Я долго ждалъ отвѣта и когда онъ, наконецъ, получился, я былъ ужъ по дорогѣ на родину, гдѣ мнѣ удалось, благодаря содѣйствію хорошаго моего пріятеля К. Каца, устроиться въ деревнѣ у столяра-хохла, согласившагося за небольшую плату научить меня столярному ремеслу.

Попутно нѣсколько словъ о моемъ пріятелѣ Кацѣ.

Онъ былъ тогда (въ 1874 г.) еще очень молодой человѣкъ, но уже прекрасно начитанный, талантливый и энергичный. Онъ стоялъ очень близко къ харьковскому кружку учащейся молодежи, къ которому принадлежали и многіе семинаристы. Въ 1875 г., если не ошибаюсь, спасаясь отъ преслѣдованій правительства, Кацъ бѣжалъ въ Румынію и въ 1877 г. былъ обманомъ увезенъ изъ Румыніи русскимъ правительствомъ, заточенъ въ Петропавловскую крѣпость и административно сосланъ въ Мезень (Архангельской губ.). Изъ

Мезени онъ моремъ черезъ Норвегію бѣжалъ и благополучно пробрался снова въ Румынію, гдѣ онъ и остался навсегда. Въ Румыніи онъ извѣстенъ, какъ прогрессивный талантливый писатель (Геро-Доброджано).

Вотъ у этого-то Каца я устроился. Насъ, учениковъ, было тогда трое: самъ хозяинъ, Кацъ, студентъ университета Кулажко и я. Мы всѣ учились работать: Кацъ—кузнечному ремеслу, я и Кулажко—столярному. Одновременно съ этимъ я занимался гимнастикой.

Какъ я ликовалъ, когда сталъ замѣчать, что мускулы мои крѣпнутъ, а на ладоняхъ показываются мозоли. Я работалъ очень прилежно, но—увы!—работа у меня не спорилась. Въ то время, когда Кулажко черезъ 2 мѣсяца уже научился дѣлать вѣялки, я едва-едва овладѣлъ самыми элементарными пріемами: струганіемъ, пилкою и сшиваніемъ досокъ. Я былъ въ отчаяніи. Мой хозяинъ—умный хохолъ, хорошо знавшій, для какой именно цѣли я стремлюсь стать ремесленникомъ, рѣшился разъ, наконецъ, поговорить со мною по-душѣ.—«Послушайте—серьезно обратился онъ ко мнѣ, —послушайте, что я вамъ скажу! Бросьте вы, панычъ, это дѣло! Пусть вотъ они (кивнулъ головою въ сторону Кулажко) да Кацъ себѣ работаютъ: они способны къ этому, а вамъ, умному и ученому, мой добрый совѣтъ — быть докторомъ лучше всего на свѣтѣ!»

Когда я на послѣднія слова отрицательно покачалъ головою, мой хохолъ, не спуская съ меня глазъ, спокойно продолжалъ:—«Не говорите того! (Я собственно ничего не говорилъ, но онъ словно читалъ мои мысли.) И докторомъ будете—еще лучше! Будетъ васъ народъ уважать и слушать, ну, хоть-бы у насъ, въ Славянкѣ!...» Я, наконецъ, заговорилъ, сталъ ему возражать, указалъ на то, что въ положеніи врача, я, какъ баринъ, буду чужой народу, что мнѣ непремѣнно надо сдѣлаться рабочимъ. Хозяинъ слушалъ меня внимательно и когда я, взволнованный, окончилъ, онъ мнѣ спокойно отвѣтилъ:—«Нѣтъ! нѣтъ! не то вы говорите! Не знаете вы простого человѣка! Это все ваши книги мудрятъ! Перемудрили! Простому человѣку нуженъ тоже человѣкъ съ башкой да съ правдою —барчукъ-ли, мужикъ-ли—байдуже!... (Замѣчу, что хозяинъ говорилъ по-малороссійски). Вотъ что, коли хотите, скажу вамъ: будьте, фершаломъ,—право, добрый это совѣтъ! И для васъ хорошо, и для дѣла вашего тоже добре!...»

Этотъ совершенно неожиданный совѣтъ до того поразилъ меня, что я не нашелся что отвѣтить. Но мысль моего хозяина засѣла крѣпко въ моей головѣ. Мои товарищи, Кацъ и Кулажко, неоднократно возвращались къ ней и высказывали полное сочувствіе плану нашего хозяина. Мы продолжали работать, но стали замѣчать, что отношенія къ намъ хозяина начинаютъ измѣняться. Въ деревнѣ появился жандармскій унтеръ-офицеръ и сталъ собирать негласно свѣдѣнія о насъ.

Позвали въ волость крестьянку, у которой я и Кулажко столовались, допрашивали о чемъ-то и нашего умнаго учителя-столяра. Хозяйка отказала намъ вскорѣ отъ «харчей», а столяръ

нашъ совсѣмъ куда-то исчезъ—пошелъ-де работать по экономіямъ. Наконецъ, недѣли двѣ спустя къ отцу Каца заявился становой и просилъ передать намъ, что для нашего благополучія было-бы лучше всего убраться намъ изъ села. О повальныхъ арестахъ и наѣздахъ жандармски-прокурорскихъ мы были достаточно освѣдомлены. Въ сосѣдствѣ съ тѣмъ селомъ, гдѣ мы жили, былъ арестованъ одинъ изъ Жебуневыхъ. Мы рѣшили разъѣхаться.

Я вернулся въ Петербургъ уже позднею осенью. Я засталъ молодежь растерянною, но не подавленною. Молодежь, какъ я уже говорилъ, собиралась съ силами. Кружки и сходки стали возникать, но нѣсколько вяло. Но вотъ случилось одно обстоятельство, которое послужило сигналомъ къ болѣе интенсивному кружкованію молодежи съ одной стороны, и къ усиленному распространенію сходокъ—съ другой. Я говорю о студенческихъ безпорядкахъ въ м.-х. академіи. Ближайшимъ поводомъ къ нимъ послужило назначеніе на каѳедру физіологіи въ академію д-ра Ціона. Назначеніе это послѣдовало, помимо конференціи, черезъ военное министерство. Такое грубое нарушеніе правъ конференціи глубоко возмутило молодежь. Это—во-первыхъ. А, во-вторыхъ, проф. Ціонъ, хотя несомнѣнно талантливый и знающій свое дѣло физіологъ, однако, съ первыхъ шаговъ его преподавательской дѣятельности такъ себя поставилъ по отношенію къ студентамъ, что вызвалъ всеобщій дружный протестъ противъ себя всей академіи. Когда открылись лекціи, второкурсники устроили ему бурную демонстрацію, требуя отъ него, чтобы онъ немедля оставилъ академію. Второй курсъ былъ закрытъ по распоряженію академической администраціи. По иниціативѣ группы студентовъ 5-го курса созвана была сходка всѣхъ студентовъ, на которой и было постановлено немедленно прекратить посѣщеніе лекцій и занятій на всѣхъ курсахъ. Назначено было слѣдствіе подъ предсѣдательствомъ, если не ошибаюсь, проф. Юнге, въ присутствіи представителя отъ блаженной памяти «третьяго отдѣленія». Человѣкъ 30-35 были привлечены къ суду, въ томъ числѣ и пишущій эти строки, допрошены и отправлены въ Литовскій замокъ.

Безпорядки распространились и на другія высшія учебныя заведенія — технолог. институтъ, лѣсной и отчасти университетъ. Это были первые безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ это десятилѣтіе. Они послужили прологомъ къ цѣлому ряду студенческихъ безпорядковъ большей или меньшей силы и интенсивности, не прекращавшихся въ теченіе всего слѣдующаго пятилѣтія 70-хъ годовъ. Я отмѣчаю этотъ фактъ потому, что исторія революціоннаго движенія молодежи 70-хъ годовъ тѣсно связана и органически, такъ сказать, переплетается съ судьбами этой же молодежи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Революціонная партія, какъ извѣстно, рекрутировала свои боевыя силы, главнымъ образомъ, изъ среды учащейся молодежи; оттуда она непрерывно черпала новые элементы для пополненія выбывшихъ изъ строя старыхъ (революціонеровъ). Понятно, почему партія такъ зорко слѣдила за судьбами студенчества и всячески старалась, чтобы этотъ взлюбленный ею съ давнихъ временъ операціонный базисъ ея ре-

волюціонной дѣятельности, не былъ бы вырванъ изъ-подъ ея ногъ. Особенно партія слѣдила за броженіемъ умовъ среди студенчества и всячески стремилась использовать его въ революціонно-освободительномъ смыслѣ. Всякое студенческое движеніе вообще создавало благопріятную обстановку для возникновенія и развитія кружковъ и сходокъ, съ одной стороны, и для распространенія революціонной пропаганды—съ другой. Такъ было и въ 1874 году. За студенческими безпорядками въ м.-х. академіи и другихъ учебныхъ заведеніяхъ послѣдовало довольно энергичное кружковое движеніе, а съ нимъ и учащеніе сходокъ.

Жизнь молодежи снова забилась ускореннымъ темпомъ. Пропагандисты, стоявшіе во главѣ студенческихъ движеній, внесли въ эти послѣднія энергію революціонной мысли и воли, вывели ихъ изъ тѣсныхъ рамокъ учебныхъ интересовъ на широкій путь народно-революціонныхъ интересовъ. Пропаганда соціалистическихъ идей среди молодежи усилилась, движеніе въ народъ возродилось. Какъ и прежде, ближайшими инстанціями, къ которымъ аппелировала молодежь при обсужденіи всѣхъ злободневныхъ вопросовъ пропаганды, были кружки и сходки. Я долженъ здѣсь отмѣтить одну характерную черту тогдашнихъ сходокъ и кружковъ, это—ихъ солидность, серьезность и вдумчивость. Вопросы не рѣшались теперь съ такимъ апломбомъ, какъ въ предыдущемъ году, наоборотъ: молодежь стремится отдать себѣ ясный отчетъ во всемъ, вникаетъ въ суть самого дѣла. Рефераты, которые въ то время читались, были положительно превосходны; нѣкоторые изъ нихъ, впослѣдствіи, въ переработанномъ видѣ нашли себѣ мѣсто въ нашихъ лучшихъ журналахъ.

Я съ особеннымъ удовольствіемъ припоминаю рефераты о Прудонѣ и объ исторіи соціалистическихъ ученій въ Европѣ (послѣдній рефератъ былъ составленъ, если не ошибаюсь, по Л. Штейну). На меня зима 1874-75 гг. произвела вообще благопріятное впечатлѣніе. Нѣкоторые представляютъ это время унылымъ, подавленнымъ. Я не могу согласиться съ этимъ. Правда, прежняго порыва и экстаза не было, но зато чувствовалось, что подъ наружной апатіей скрывается что-то новое, мощное и увѣренное, что это новое надвигается и уже готово появиться на свѣтъ.

Когда студенческіе безпорядки въ м.-х. академіи завершили полный циклъ своего развитія, т. е. когда проф. Ціонъ былъ, по нашему требованію, удаленъ изъ академіи, когда арестованнымъ по этому дѣлу товарищамъ нашимъ дали полную амнистію,—я рѣшилъ тогда окончательно распроститься съ академіей. Меня тянуло всѣми силами въ народъ. Я рѣшилъ поселиться гдѣ-нибудь въ деревнѣ въ качествѣ фельдшера. Друзья мои и товарищи вполнѣ одобрили мой планъ. Я завелъ по этому поводу переписку съ знакомымъ врачомъ. Тѣмъ временемъ я принялъ приглашеніе отъ хорошо извѣстнаго мнѣ врача, М. М. С—ча, погостить у него нѣкоторое время въ д. Буригахъ (Псковской губ.), гдѣ онъ завѣдывалъ больницей при общинѣ св. Магдалины. Я торопился уѣхать изъ Пе-

тербурга, такъ какъ опасался административной высылки изъ столицы за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ. Помню хорошо послѣдній день, который я пробылъ въ Петербургѣ. День выдался на славу, чудесный, солнечный. Морозило. Я и другъ дѣтства, впослѣдствіи товарищъ по «Землѣ и Волѣ», Алекс. Хотинскій, сидѣли въ Лѣтнемъ саду, наблюдая гуляющихъ. Я былъ въ какомъ-то мечтательномъ настроеніи. Положительный другъ мой, замѣтивъ это, взглянулъ на меня лукаво и сказалъ: «Ну, а что, Осипъ, если черезъ годъ или два тебѣ захочется опять сюда, назадъ, въ культурную среду, подышать культурнымъ воздухомъ, а?.. полюбоваться вотъ этими (онъ кивнулъ головою по направленію гулявшихъ дамъ и дѣвицъ)?..» Какъ не неожиданъ былъ для меня вопросъ моего друга, но я на него сразу совершенно спокойно отвѣтилъ: «Никогда... Этого не должно быть, Александръ!..»—«Значитъ, сжегъ всѣ корабли?..» Я молча кивнулъ утвердительно головой. На другой день мы разстались: Хотинскій уѣхалъ въ Симбирскую, я—въ Псковскую губернію.

Я попалъ въ совершенно необычайную для меня обстановку. Больница, какъ я уже упомянулъ, находилась при общинѣ сестеръ милосердія, основанной на средства княжны М. М. Дондуковой-Корсаковой. Княжна, къ слову сказать, стояла тогда во главѣ «пашковскаго» толка. Въ общинѣ господствовалъ монашескій, крайне ригорическій режимъ. Акафисты утромъ и вечеромъ. Сестры не только ухаживали за больными, подъ руководствомъ врача, но должны были вынести на своихъ плечахъ всю тяжесть разнообразныхъ работъ по большому хозяйству общины. Сестры, старшія и младшія, рекрутовались исключительно изъ крестьянской среды. Тамъ были сестры не только изъ Псковской, но и изъ другихъ губерній.

Чтобы не сидѣть, сложа руки, я сталъ помогать д-ру С—чу по больницѣ. Работы было очень много, потому что кромѣ больницы при общинѣ была еще небольшая больничка на 10-12 кроватей, особо устроенная земствомъ спеціально для сифилитическихъ женщинъ и дѣтей. На обязанности врача лежало не только завѣдываніе общей больницей общины, но и сифилитической больницей земства, а равно еще большимъ врачебнымъ участкомъ. Я вскорѣ вошелъ въ курсъ дѣла и, д-ръ С—чъ предоставилъ мнѣ обѣ больницы почти въ самостоятельное завѣдываніе.

Я энергично взялся за дѣло, и оно спорилось у меня, да къ тому работа эта мнѣ, какъ новичку еще, доставляла большое удовольствіе. Разъ или два раза въ недѣлю я еще читалъ сестрамъ лекціи по анатоміи, физіологіи и малой хирургіи.

Я сказалъ уже, что въ общинѣ господствовалъ суровый религіозный порядокъ. Для меня, какъ еврея и интеллигентнаго человѣка, это былъ совершенно новый міръ. Я невольно заинтересовался имъ. Посѣщалъ обѣдни, былъ даже на акафистахъ, началъ читать Евангеліе, котораго раньше совсѣмъ не зналъ. Въ свободное время я бесѣдовалъ съ сестрами на разныя темы, но по необходимости, въ силу основного тона жизни въ общинѣ, наши бесѣды такъ или иначе сводились на сложныя религіозныя проблемы.

Между сестрами рѣзко выдѣлялась одна изъ младшихъ сестеръ, Прасковья Бухарицина или, какъ мы всѣ ее проще называли, Параша. Это была чудная дѣвушка. Дочь крестьянина Саратовской губ., она была послана въ общину отцомъ для того, чтобы научиться уходу за больными, чтобы затѣмъ эти познанія свои примѣнить къ своимъ-же односельчанамъ. Семья Параши, какъ я узналъ изъ ея словъ, была хорошей интеллигентной зажиточной семьей, въ которой всѣ дѣти были грамотны; тамъ царили согласіе и миръ и безусловная трезвость (вино не допускалось даже по праздникамъ). Параша отличалась глубокой религіозностью—не формальной, обрядовою—нѣтъ! а дѣловою, дѣятельною, толкающей людей на великіе подвиги любви и самоотреченія. Мистическаго элемента въ ней и помину не было. Цѣльная, словно выточенная вся изъ одного куска, она смотрѣла на міръ здраво, реально, какъ истая дочь русскаго крестьянина. Но въ свой реализмъ она вносила такъ много душевной красоты, такъ много безсознательнаго величія, что этой простой, скромной на видъ дѣвушкѣ удивлялись: она положительно покоряла всѣ сердца, всѣ любили и глубоко уважали ее. Злословіе, сплетни, грязь житейская, столь свойственныя такимъ закрытымъ и замкнутымъ учрежденіемъ, какъ община, не коснулись Параши. Она была со всѣми, но выше всѣхъ. И притомъ, сама не сознавала всей своей силы, своей душевной красоты. Я не встрѣчалъ больше въ деревнѣ такой красоты, да и въ интеллигентной средѣ такія индивидуальности—большая, очень большая рѣдкость. Я глубоко сожалѣю, что не обладаю хоть крошечнымъ художественнымъ талантомъ, чтобы нарисовать чудный образъ этой крестьянской дѣвушки.

По внѣшности она не была красивой. Это была плотная, средняго роста, крѣпко сложенная дѣвушка, смуглая, съ темно-карими, умными добрыми глазами. Ей было, помнится, не болѣе 23 лѣтъ. Между мною и ею вскорѣ установились хорошія отношенія, какія устанавливаются обыкновенно между людьми идейными. Я говорю «идейными», потому что Параша была идейный человѣкъ. Между моимъ идейнымъ содержаніемъ и идейнымъ содержаніемъ Параши была, правда, громадная разница:—я соціалистъ, а Параша христіанка, но эмоціональная основа у насъ была общая; и я тогда не думалъ о себѣ, готовъ былъ на возможныя жертвы, а Параша была вся—одно самопожертвованіе. Наша добрая дружба росла съ каждымъ днемъ, не вызывая ни въ комъ ни ревности, ни досады. Въ свободное отъ работы время между мною и Парашей происходили длинныя бесѣды. Предметомъ ихъ былъ прежде всего соціализмъ. Я сталъ ее знакомить съ сущностью этого ученія, съ его задачами и цѣлями; разсказалъ ей о нашемъ пропагандистскомъ движеніи, о стремленіяхъ нашей интеллигенціи и о жертвахъ, ею уже принесенныхъ.

Параша слушала меня обыкновенно очень внимательно, напряженно, вдумываясь въ каждое мое слово, каждое мое положеніе, каждую мою мысль. Вначалѣ она туго поддавалась моему вліянію. Сдержанно, но упорно она отстаивала свои взгляды, свои понятія. Она оперировала исключительно своимъ здоровымъ смы-

сломъ, прекраснымъ знаніемъ крестьянскаго житья-бытья и Евангеліемъ, какъ верховнымъ, нравственно-религіознымъ критеріемъ всего сущаго. Она соглашалась, что положеніе народа, дѣйствительно, тяжелое, но не въ такой уже степени, какъ мы, молодежь, представляемъ себѣ это. Ему лучше, чѣмъ въ крѣпостное время, и онъ благословляетъ царя за волю. Параша была безусловно противъ насилія, бунта, и «народъ тоже не пойдетъ на это дѣло,— говорила она—народъ смиренъ, боится бога и почитаетъ царя; если бывали бунты, то все это отъ народной темноты, бунтъ—несчастіе».... И раскрывая Евангеліе, Параша прочитывала мнѣ тѣ мѣста священнаго писанія, которыя требуютъ смиренія, повиновенія властямъ. Мнѣ оставалось одно—вооружиться ея же оружіемъ и направить его противъ нея же. Я сталъ не читать только, а изучать Евангеліе: я читалъ и перечитывалъ его одинъ и вмѣстѣ съ Парашей. Я полюбилъ это ученіе, но незамѣтно для себя я сталъ вносить въ него то, что мнѣ было дорого, то, чѣмъ я тогда былъ живъ—соціализмъ, и какъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, мое собственное же твореніе объективировалось для меня какъ нѣчто независимое отъ меня,—и я сталъ считать Евангеліе императивомъ для себя, императивомъ, которому я долженъ повиноваться, въ силу присущихъ самому Евангелію повелѣній. Параша торжествовала. Я становился для нея христіаниномъ. Но того она не замѣтила, что Евангеліе стало въ моихъ рукахъ орудіемъ пропаганды соціалистическихъ идей, что само Евангеліе превратилось въ соціализмъ и, отдавшись моему пониманію Евангелія, она сама стала соціалисткой. Я пошелъ дальше. Параша отличалась незаурядными умственными запросами, и я рѣшилъ по мѣрѣ возможности удовлетворить ихъ. Я началъ съ нею читать. Кромѣ нелегальныхъ, изъ которыхъ особенно сильное впечатлѣніе на нее произвела брошюра долгушинцевъ: «Какъ жить по закону природы и правды»,—я прочелъ съ нею все лучшее, что было у меня подъ руками изъ нашей беллетристики и по революціоннымъ движеніямъ на Западѣ.

Параша съ каждымъ днемъ выростала. Она рѣшила сократить время пребыванія своего въ общинѣ—тѣмъ болѣе, что подъ моимъ руководствомъ она много успѣла уже, какъ сестра милосердія—и лѣтомъ же отправиться къ себѣ на родину, въ свое родное село, и тамъ испытать свои силы на революціонно-пропагандистскомъ пути. По прежнему она осталась мирною и признавала только мирную пропаганду, продолжительную и постоянную.

Въ то время, когда складывались мои отношенія къ Парашѣ, въ больницѣ лежалъ крестьянинъ Ярославской губ., Даниловскаго уѣзда, Иванъ Мурашковъ. Это былъ разбитной, смышленный, живой и остроумный ярославецъ-лѣпщикъ. Парень, что называется, бывалый: бывалъ въ столицахъ и во многихъ городахъ. Иванъ— полная противоположность Парашѣ. Иванъ—экспансивенъ, подвиженъ, легко воспріимчивъ, слабохарактеренъ. Параша—натура глубокая, сдержанная, твердая, какъ сталь. Иванъ сильно привязался къ намъ обоимъ. Параша смотрѣла на Ивана сверху внизъ, но не безъ нѣжности, какъ старшая сестра, пожалуй, хотя она была

много моложе Ивана. Она частенько говорила мнѣ:—«Осипъ Васильевичъ, Иванъ—слабый человѣкъ, безъ васъ онъ сопьется, ему нельзя всего сказать... За нимъ нуженъ присмотръ... Онъ бѣгаетъ по деревнѣ и болтаетъ много... Какъ бы чего-нибудь не вышло...»

Дѣло въ томъ, что Иванъ, по выздоровленіи своемъ, былъ постояннымъ соучастникомъ моихъ бесѣдъ и занятій съ Парашей и, надо ему отдать справедливость, довольно скоро усвоилъ суть моего курса по пропагандѣ. Понявши по своему мою пропаганду, Иванъ, ничто-же не сумняшеся, пустилъ ее тутъ же въ обращеніе среди больныхъ крестьянъ въ лечебницѣ, во-первыхъ, а потомъ и среди здороваго крестьянства на селѣ—во-вторыхъ. Въ головѣ Ивана соціализмъ преломился,—казалось мнѣ тогда—совершенно своеобразнымъ образомъ: онъ переложилъ его на языкъ, такъ сказать, непосредственныхъ народныхъ требованій и понятій. Со свойственнымъ ему природнымъ юморомъ и живостью, онъ развертывалъ передъ слушателями яркую картину мужицкой обездоленности; и земли не хватаетъ, и подати большія, и начальство прижимаетъ, и кулакъ заѣдаетъ, и подрядчикъ разоряетъ и т. д., и т. д.

А потому-де съ ними, «кровопивцами», и церемониться нечего: воевать съ ними надо, цѣлымъ міромъ, не жалѣючи живота!... Рѣчи Ивана дѣйствовали сильно: его «словечки и примѣры попадали прямо въ цѣль... Къ сожалѣнію, Иванъ любилъ временами заворачивать въ кабакъ, гдѣ и давалъ волю своему «злому языку». Его по-неволѣ приходилось попридерживать, дабы «чего не вышло», по словамъ Параши.

Наступила весна 1875 года. Я получилъ, наконецъ, столь желанное мѣсто фельдшера въ пензенской губерніи. Условія были вполнѣ подходящія; я за эти 4 мѣсяца работы въ Буригахъ напрактиковался, а потому рѣшилъ уѣхать и собрался въ путь. Здѣсь же оставаться дольше не представлялось для меня удобнымъ. Во 1-хъ потому что служебное мое положеніе было здѣсь неопредѣленно: студентъ выпускного курса, работалъ даромъ, безъ жалованья, какъ-бы мимоходомъ. Правда, я пользовался въ общинѣ большимъ уваженіемъ и авторитетомъ, но этого все-таки было недостаточно: полицейскія власти, пронюхавъ, что въ Буригахъ живетъ студентъ «безъ опредѣленныхъ занятій», стали наѣзжать... Пошли темные слухи. На Пасхѣ Иванъ разошелся... Пріѣхалъ исправникъ, долго шептался съ начальницей общины. О чемъ они толковали—осталось для всѣхъ тайною. Но ни меня, ни Ивана пальцемъ не трогали.

Княжна М. М. Дондукова-Корсакова была слишкомъ важная особа, чтобы посмѣть въ ея общинѣ произвести обыскъ или арестъ. Но это, во 2-хъ, ускорило мой отъѣздъ: лучше самому убраться по добру и здорову, чѣмъ бы тебя попросили «пожаловать».. Я распрощался съ Иваномъ и Парашей.

Прощаніе съ Иваномъ потрясло насъ—меня и Парашу: онъ истерически рыдалъ, обнимая насъ. Мы проводили его за околицу и тамъ, при послѣднемъ прощаніи, онъ совершенно «ослабъ», какъ выразилась Параша: онъ упалъ на землю и долго судорожно

всхлипывалъ. Съ большимъ трудомъ мы его успокоили. Онъ, чужой въ этой сторонѣ, батракъ, дѣйствительно, всей душою привязался къ намъ. Я направилъ его въ Петербургъ, снабдилъ его деньгами и далъ ему вѣрный адресъ, по которому онъ долженъ былъ бы меня разыскать. Но я больше съ нимъ не встрѣчался. Я писалъ на родину его, но и оттуда ничего хорошаго не получилъ: «плутаетъ—писалъ мнѣ какой-то деревенскій литераторъ,—плутаетъ безпутный человѣкъ... Семья съ голода пухнетъ»... Пропалъ, должно быть, «слабый человѣкъ»...

Совсѣмъ иначе я попрощался съ Парашей: сдержанно, спокойно, но трогательно.

Тихимъ, но твердымъ голосомъ она попросила меня, чтобы я лѣтомъ навѣстилъ ее у родныхъ («какъ рады ужъ будутъ наши!» говорила Параша), причемъ самымъ дѣловымъ образомъ снабдила меня подробнымъ маршрутомъ туда и дала мнѣ адресъ для писемъ. Община и деревушка тоже сердечно распрощались со мною. Я оставилъ общину и Буриги бодрый, съ сильно-приподнятымъ настроеніемъ. Эти 4 мѣсяца не пропали для меня даромъ: я кое-чему научился, я сталъ довѣрять моимъ силамъ. А прошлое мое мнѣ казалось такимъ жалкимъ и малымъ!...

Это была весна моей пропагандистской жизни.

Въ Петербургѣ я повидался съ моими товарищами, съ которыми я подѣлился моими новыми деревенскими впечатлѣніями. Товарищи вообще относились хорошо ко мнѣ и раньше, во время моего студенчества (я, къ слову сказать, начиная съ 3 курса безсмѣнно состоялъ членомъ библіотечной комиссіи), а теперь, послѣ того, какъ я отказался отъ диплома и ушелъ въ народъ, симпатіи и уваженіе ко мнѣ товарищей еще больше возросли. Мнѣ потомъ, уже много лѣтъ спустя, передалъ одинъ изъ врачей, бывшихъ моихъ товарищей по академіи, что выходъ мой изъ академіи наканунѣ, такъ сказать, полученія мною званія врача, произвелъ прямо «фуроръ» среди студентовъ. Моему примѣру послѣдовало нѣсколько товарищей выпускного курса (между ними былъ и Мошковъ, талантливый молодой человѣкъ, хорошій анатомъ), а равно многіе изъ первыхъ двухъ курсовъ.

Товарищи съ большимъ интересомъ слушали мои сообщенія о мужикѣ, о деревнѣ и проч. и сердечно напутствовали меня на дальнѣйшую работу. Только двое изъ товарищей, покойные Семяновскій и М. Ю. Гольдштейнъ (послѣдній убитъ въ прошломъ году погромщиками въ Архангельскѣ), уловили черезчуръ приподнятое, экзальтированное мое настроеніе. О разговорѣ моемъ съ Е. Семяновскимъ я выше говорилъ, что же касается М. Ю. Гольдштейна, съ которымъ я былъ въ близкихъ отношеніяхъ, то онъ, вполнѣ соглашаясь съ моимъ мнѣніемъ о значеніи Евангелія въ пропагандѣ, любовно предостерегалъ меня... отъ совсѣмъ другого: —«Вы, А—нъ, очень возбуждены! Берегите свои нервы!.. Какъ-бы не наступила тяжелая реакція: упадокъ энергіи и... горькое разочарованіе?!...»—Это случилось, но много лѣтъ спустя...

Я, дѣйствительно, тогда былъ экзальтированъ, при томъ еще и въ религіозномъ отношеніи. Это было сложное и довольно-таки

путанное душевное состояніе, въ которомъ рядомъ уживалось реально - соціалистическое міросозерцаніе съ евангелически-христіанскимъ.

Можетъ быть, здѣсь, помимо моей воли, на меня дѣйствовала совершенно необычная для меня религіозно - монашеская обстановка общины, можетъ быть, не послѣднюю роль здѣсь играла Параша, можетъ быть, наконецъ, это было инстинктивное стремленіе слиться духовно съ народомъ, съ тѣмъ народомъ, которому я былъ чуждъ по крови и вѣрѣ, но который приметъ меня, если я буду одной съ нимъ вѣры.

И дѣйствительно. Въ Петербургѣ я рѣшилъ прежде, чѣмъ поѣхать въ деревню, принять православіе. Никто изъ близкихъ и товарищей не зналъ этого, хотя ужасно удивились, когда разъ застали меня погруженнымъ въ молитвенникъ и катехизисъ. Крещеніе мое состоялось. И скажу вамъ: я почувствовалъ себя тогда словно обновленнымъ. «Я иду въ народъ—думалъ я—не евреемъ ужъ, а христіаниномъ, я пріобщился къ народу!...»

Въ Петербургѣ мнѣ повезло. Передъ тѣмъ, какъ совсѣмъ уѣхать, я вдругъ неожиданно на улицѣ встрѣтился съ Парашей. Какая радость была! Она повела меня къ себѣ,—кажется, по набережной Фонтанки. Параша сообщила мнѣ, что ѣдетъ домой. Я разсказалъ ей, что на-дняхъ только я принялъ крещеніе, лицо ея засіяло. Мы провели три славныхъ дня вмѣстѣ. Я таскалъ къ ней всякую нелегальщину и мы вмѣстѣ все это прочитывали. Въ послѣдній день она снова попросила меня, чтобы я пріѣхалъ къ ней въ деревню.—«А, можетъ быть, и останетесь у насъ докторомъ (званіе «фельшера» ее коробило), хорошо будетъ, О. В!...» Я ей отвѣтилъ, что сейчасъ я связанъ словомъ, но моя жизнь такова, что мнѣ придется блуждать по міру и—кто знаетъ? «можетъ быть, судьба забросить меня къ вамъ, Прасковья Мироновна! Тогда вмѣстѣ и работать будемъ—а пока надо врозь!...» Мы распрощались. Судьба, дѣйствительно, безцеремонно швыряла меня туда и сюда по всей обширной и необъятной Россіи, но ни разу не выбросила она меня на ту пристань, гдѣ жила и работала моя первая ученица, Параша!..

Я нѣсколько разъ писалъ ей, но отвѣты ея не доходили до меня. Такъ я ее потерялъ навсегда...

Я устроился въ с. Муратовкѣ, Мокшанск. уѣзда, Пензенской губ., устроился хорошо. Врачъ, завѣдывавшій больницей и участкомъ, оставилъ службу, не поладивъ съ либераломъ-предсѣдателемъ. Для допотопнаго коллеги «либералы», къ которому онъ и меня причислилъ, представляли собою что-то дьявольски-опасное, отъ чего надо бѣжать, не оглядываясь. Я остался одинъ фактически отвѣтственнымъ лицомъ за больницу и весь медицинскій участокъ, хотя оффиціально считался лишь фельдшеромъ на жалованьѣ въ 15 р. въ мѣсяцъ. Другой фельдшеръ, способный малый, сорви-голова, тоже вскорѣ оставилъ службу. Я, такимъ образомъ, остался совершенно одинъ. Тѣмъ лучше. Больница была старая, ветхая,

совершенно запущенная. Въ короткое время, благодаря содѣйствію предсѣдателя, мнѣ удалось вычистить Авгіевы конюшни и привести ихъ въ надлежащій порядокъ. Больница стала наполняться, амбулаторія—расти. Я вскорѣ сдѣлался популярнымъ, какъ фельдшеръ, про меня говорили, что я «бытто коренной» (т. е. настоящій докторъ, а не фельдшеръ). Моихъ паціентовъ очень заинтересовали мои методы изслѣдованія (это здѣсь было тогда совершенно новое явленіе): выстукиваніе, выслушиваніе, термометрія и проч. При изслѣдованіи какого-либо больного—на дому-ли или въ амбулаторіи —все равно —муратовцы окружали меня и зорко слѣдили за моими дѣйствіями, обнаруживая свое удивленіе порою мѣткими возгласами:— «Ишь ты—зыкъ (звукъ) совсѣмъ не тотъ, кровь, видно, привалила!...» Ихъ все интересовало. Муратовцы—бывшіе крѣпостные, народъ смирный, добродушный и покорный. Мое простое, гуманное обращеніе и добросовѣстность въ работѣ расположили ихъ вскорѣ ко мнѣ. Отношенія устанавливались хорошія. Работалось хорошо, бодро. Моя работа дала мнѣ возможность познакомиться съ народомъ—наблюдать его, изучать его изъ непосредственнаго, такъ сказать, источника. Меня все интересовало. Вѣдь раньше я совсѣмъ не зналъ народа! И вотъ и въ больницѣ, и въ амбулаторіи, и на дому у паціентовъ—между дѣломъ—у насъ завязывались разговоры, бесѣды по поводу того или другого событія семейнаго или деревенскаго. Муратовцы почуяли въ моихъ вопросахъ, разспросахъ не пустое любопытство досужаго человѣка, а что-то другое, заставляющее этого человѣка,—отнюдь не досужаго, а работящаго,—близко къ сердцу принимать ихъ деревенскіе интересы, ихъ простое житье-бытье. И они сами очень охотно вступали со мною въ разговоръ, предупреждая, такъ сказать, мои вопросы, мои желанія. Я рѣшилъ придать нашимъ случайнымъ бесѣдамъ болѣе правильный характеръ, внести въ нихъ нѣкоторую систему. И вотъ, по праздникамъ, а зимою и по буднямъ, я устраивалъ при больницѣ что-то вродѣ клуба. Мѣстомъ сборища служила большая палата для выздоравливающихъ, куда собирались мужики и бабы изъ села, нерѣдко даже съ своими чадами. Здѣсь происходили наши бесѣды. На бесѣдахъ этихъ, само собою, присутствовали лежащіе въ этой палатѣ выздоравливающіе больные, заходили сюда и выздоравливающія женщины, неотлучно присутствовала здѣсь также и палатная прислуга. Бесѣды наши отличались большимъ разнообразіемъ. То мы просто «калякали», причемъ я въ такихъ случаяхъ игралъ лишь пассивную роль—слушалъ, о чемъ говорятъ мужики и бабы, задавая имъ порою тѣ или другіе вопросы или вставляя то или иное замѣчаніе. То дирижирующая роль переходила всецѣло ко мнѣ—и тогда я разсказывалъ имъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, читалъ имъ вслухъ книги, легальныя и нелегальныя. Мои устныя бесѣды и чтенія вообще пришлись по душѣ моимъ слушателямъ и они охотно поддерживали нашъ клубъ. Я имѣлъ тогда ужъ нѣкоторый опытъ, а потому безъ особаго труда приспособился къ моей аудиторіи. Я читалъ имъ „Сказку о четырехъ братьяхъ“, «Хитрую механику», «Сказку о копейкѣ», «Какъ надо жить по законамъ природы и

правды», «Емельяна Пугачева», «Исторію одного крестьянина» и пр. Прежде чѣмъ приступить къ чтенію этихъ брошюръ, я предварительно самъ перечитывалъ ихъ внимательно, передѣлывая нѣкоторыя мѣста или совсѣмъ выключая изъ нихъ все то, что могло покоробить чувство моихъ простыхъ слушателей. Этому меня научилъ мой предыдущій опытъ въ Екатеринославск. и Псковск. губ.

Я замѣчалъ, что рѣзкія выходки противъ царя или религіи (послѣднихъ въ брошюрахъ было вообще мало) дѣйствовали крайне непріятно на крестьянъ; также сильно смущали ихъ энергичные призывы къ бунту, возстанію. Вообще, я замѣтилъ ужъ тогда, какъ чутко народъ относится къ правдѣ и какъ его коробитъ отсутствіе чувства мѣры. Беру наугадъ нѣсколько примѣровъ. Въ Пензенской губ. еще живо было тогда преданіе о пугачевскомъ бунтѣ или, какъ пензяки выражались, о «Пугачѣ». Мнѣ называли старуху, которая тогда была еще жива и хорошо помнила «Пугача», т. е. не самаго Пугачева, а бунтъ, связанный съ именемъ Пугачева. Казалось бы, что книжка о «Емельянѣ Пугачевѣ» должна была бы произвести впечатлѣніе. Ничуть.

Ореолъ, которымъ авторъ окружилъ Пугачева, остался непонятенъ мало-культурнымъ пензякамъ, и только при словесной бесѣдѣ, когда мнѣ удалось развернуть предъ ними картину крестьянской жизни во время царствованія Екатерины II, пензяки уяснили себѣ громадное значеніе этого народнаго бунта, совершенно независимо отъ личности «Пугача». Мои пензяки были страшно поражены, когда узнали, какая масса земель была расхищена казною и подарена «господамъ». Чтобы ихъ вполнѣ убѣдить въ правдѣ моихъ словъ, я принесъ Романовича-Славатинскаго (Исторія русскаго дворянства) и оттуда вычиталъ имъ соотвѣтственныя мѣста. Объемистая книга, а не тощая книжечка, подѣйствовала на слушателей моихъ весьма убѣдительно.

«Сказка о четырехъ братьяхъ», предварительно процензурованная мною, слушалась вообще очень охотно, но какъ «сказка» —и только. Съ особеннымъ напряженнымъ вниманіемъ слушала меня моя аудиторія, когда я имъ читалъ: „Какъ надо жить по закону природы и правды». Когда я заявилъ, что буду читать про «Николу», по палатѣ раздался одобрительный возгласъ: «Читай, ну, читай... Василицъ!...» (муратовцы „цокали“).

По мѣрѣ того, какъ наши «бесѣды» подвигались впередъ, истинный ихъ характеръ сталъ само собой все болѣе и болѣе выясняться и, наконецъ, окончательно опредѣлился. Нелегальная литература мало-по-малу отодвинулась на задній планъ, а потомъ и совсѣмъ исчезла изъ программы нашего курса пропаганды. Для пропаганды у насъ нашлись другіе болѣе дѣйствительные способы. Я захватилъ съ собою изъ Петербурга глобусъ и небольшую коллекцію картограммъ, составленныхъ, если не ошибаюсь, главнымъ штабомъ. По этимъ нагляднымъ картамъ я знакомилъ моихъ слушателей съ географіей, этнографіей, съ земледѣльческимъ и промысловымъ характеромъ нашей родины. Солидные мужики особенно интересовались этими чтеніями и нерѣдко сами обращались ко мнѣ съ просьбою читать «по планту», т. е.

по картамъ. Аграрный вопросъ, конечно, болѣе всего захватывалъ ихъ. Съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слушали меня мои муратовцы, когда я имъ на картѣ показывалъ ихъ Пензенскую губ., разсказывалъ имъ, сколько въ этой губерніи всѣхъ земель—государственныхъ („казенныхъ"), «господскихъ» и крестьянскихъ; сколько въ губерніи лѣсу и другихъ угодьевъ!...

Помню, какъ одинъ изъ больныхъ моихъ, раньше ничѣмъ особенно не обнаруживавшій своего интереса, вдругъ обратился ко мнѣ съ просьбою:—«ты, Василицъ, ужъ будь ласковъ, запиши все это, цыфирки эти, на грамотку, я это старикамъ нашимъ покажу!..» (больной былъ изъ другой деревни).

Порою дѣло не обходилось и безъ курьезовъ и совершенно неожиданныхъ сужденій, которыя, вначалѣ, пока я не привыкъ, смущали и огорчали меня. Какъ то разъ я былъ въ ударѣ. Съ «плантомъ» въ рукахъ я развернулъ предъ моей аудиторіей картину будущаго соціальнаго строя, долженствующаго воцариться у насъ послѣ народнаго возстанія, когда самъ народъ сдѣлается хозяиномъ всѣхъ земель, лѣсовъ и водъ. На самомъ, такъ сказать, интересномъ мѣстѣ меня вдругъ прервалъ одинъ изъ моихъ слушателей торжествующимъ возгласомъ:—«Вотъ будетъ хорошо, какъ землю-то подѣлимъ! Тогда я принайму двухъ работниковъ, да какъ заживуто!..» Признаться, въ первую минуту этотъ неожиданный аргументъ меня совершенно сбилъ съ толку, и весь мой соціалистическій пылъ разлетѣлся, словно меня ушатомъ холодной воды окатили. Но, опомнившись, я указалъ моему слушателю всю безсмыслицу его сужденій, при чемъ не удержался и впустилъ ему такую шпильку, что вся аудиторія разразилась здоровымъ дружнымъ смѣхомъ. И, однако, я получилъ урокъ, хорошій урокъ, о которомъ я нѣсколько дней подрядъ думалъ.

Муратовцы любили слушать не только «науку» (собственное ихъ выраженіе), но и чтеніе нѣкоторыхъ нашихъ беллетристовъ-народниковъ. «Сила солому ломитъ» Наумова особенно нравилась имъ.—«Словно про насъ писано, не сказка, а быль», говорили они по поводу этого разсказа. Наумовъ обыкновенно служилъ поводомъ къ самому живому обмѣну мыслей. Разговоръ незамѣтно переходилъ на свои дѣла, семейныя и общественныя. Мужики жаловались на малоземелье, «тѣсноту», тяготу податей, на «барщину» (это слово тогда еще было въ ходу у пензяковъ; этимъ терминомъ они опредѣляли всяческія свои хозяйственныя отношенія къ помѣщикамъ, «господамъ»), на прижимки властей, на семейные раздѣлы и т. д. и т. д. Женщины жаловались на свое горькое «бабье житье», на своеволіе «старшихъ» въ семьѣ («работаешь, работаешь, а младенцу молока жалѣютъ, крицитъ въ истошный голосъ, а кормить нецѣмъ»... и т. д.). На меня эти бесѣды дѣйствовали поразительно освѣжающимъ образомъ. Не я уже училъ ихъ, моихъ учениковъ, а они меня. Точнѣе будетъ сказать: это были «классы взаимнаго обученія». Въ своихъ дѣлахъ мужики разбираются, можно сказать, артистически. Я отъ нихъ узнавалъ много такого, чему меня книги врядъ-ли научили-бы: какъ напр., совершаются «передѣлы», «разверстки тяголъ», семейныя дѣлежки, брачные договоры и пр. и пр.

Предо мною не скрывали ничего, не лукавили со мною, не играли политику, и я, такимъ образомъ, мало-по-малу знакомился съ тѣмъ народомъ, о которомъ я раньше почти ничего не зналъ; узнавалъ этотъ народъ не изъ «прекраснаго далека», а изъ самой непосредственной близи. И если раньше я чувствовалъ къ народу симпатію, то это была симпатія только головная, теперь-же я съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привязывался къ нему,—я бы сказалъ: чисто физической привязанностью. Я просто любилъ сидѣть около него, этого нескладнаго сѣраго, довольно-таки грязнаго пензяка. Мнѣ доставляло величайшее удовольствіе, когда какой-нибудь большой бородатый мужикъ при встрѣчѣ со мной бралъ мою руку въ свою огромную ладонь и, добродушно ухмыляясь, говорилъ:—«И рука же у тебя, Василицъ, крохотная, и самъ ты такой ципленоцекъ!» Мнѣ все тогда нравилось въ народѣ, мнѣ все любо было. Настроеніе у меня было бодрое. Я работалъ много, но устали не зналъ. Работа меня удовлетворяла. Каждый разъ предо мною открывались все новыя и привлекательныя для меня стороны народнаго характера, народной психологіи. Про великана Антея говорятъ, что онъ, при прикосновеніи къ землѣ становился съ каждымъ разомъ все сильнѣе и сильнѣе. Я—не Антей, но при прикосновеніи съ мужикомъ каждый разъ чувствовалъ все большій и большій приливъ моральныхъ силъ. Такъ на меня дѣйствовала среда крестьянская. Наши «бесѣды» продолжались своимъ чередомъ. Нерѣдко слушатели мои просили меня прочитать что-нибудь про «божественное». Я тогда брался за Евангеліе. Я самъ любилъ Евангеліе. Я зналъ его тогда почти наизусть, и въ моихъ рукахъ оно превратилось въ орудіе пропаганды. Противорѣчія и недомолвки я умѣлъ примирять и пополнять. Въ Царевщинской волости, куда муратовцы принадлежали, было нѣсколько селъ, сплошь населенныхъ молоканами. Эти села тоже входили въ мой врачебный участокъ, и молокане охотно лѣчились у меня. Скажу здѣсь попутно, что пензенскіе молокане мнѣ не особенно нравились, я ихъ менѣе любилъ, чѣмъ православныхъ. Они слишкомъ застыли на своей догмѣ, окаменѣли, гордясь тѣмъ, что обрѣли якобы «правду» и презрительно относились къ окружающему ихъ православному населенію. Случалось, что и молокане попадали на наши бесѣды, тогда наши бесѣды особенно оживлялись, особенно при чтеніи Евангелія. Между молоканами попадаются знатоки библіи и Евангелія,—вообще св. писанія. Молокане тоже ловкіе діалектики, и, понятно, съ такими слушателями имѣть дѣло особенно интересно, хотя порою и не такъ то легко, какъ съ менѣе интеллигентными.

Зная все это, я загодя подготовлялся: въ свободное время читалъ и перечитывалъ библію, пророковъ, а Евангеліе, какъ уже сказалъ, я и такъ хорошо зналъ. А потому, я принималъ бой безъ страха. Когда, бывало, мой горячій оппонентъ - молоканинъ опрокидывался на меня тяжелой артиллеріей цитатъ изъ св. писанія, о которыхъ, сознаюсь, я представленія не имѣлъ, я отпарировалъ его удары болѣе убѣдительными ссылками на исторію древняго Израиля, исторію Рима и проч. Аудиторія превращалась тогда въ

слухъ. Тишина глубокая, лишь изрѣдка прерываемая бурными возгласами сочувствія по адресу того или другого оппонента. А вопросы поднимались «проклятые»! Какъ, напр., примирить столь горячо защищаемое мною требованіе протеста противъ властей со словами евангелиста: нѣсть власти аще не отъ Бога?» Какъ, далѣе, бунтовать противъ главы государства, когда самъ пророкъ Самуилъ помазалъ Саула въ цари и далъ его народу іудейскому съ суровымъ завѣтомъ безпрекословнаго повиновенія всѣмъ его, Саула, законамъ? Я даже теперь съ удовольствіемъ вспоминаю, какъ мнѣ всегда удавалось разбивать на голову моего противника при общемъ сочувствіи слушателей. Признаюсь, что иной разъ,— въ самыхъ критическихъ только моментахъ,—мнѣ приходилось прибѣгать къ нѣкоторымъ передержкамъ. Нерѣдко при чтеніи Евангелія или библіи поднимались вопросы и общественно - этическаго характера. Какъ живой стоитъ предо мной «дѣдушка», лучшій пчеловодъ въ селѣ, обратившійся ко мнѣ разъ совершенно неожиданно съ вопросомъ:—«Можетъ ли,—спрашивалъ онъ глухимъ голосомъ,—богатый попасть въ царствіе небесное?» Не дождавшись моего отвѣта, «дѣдъ» самъ же отвѣтилъ безаппеляціонно ссылкою на извѣстное мѣсто евангелиста. Старцу, очевидно, хотѣлось хвастнуть знаніемъ единственнаго евангельскаго изреченія. Я, конечно, согласился съ нимъ, но развилъ дальше эту мысль, санкціонирующую активную борьбу съ имущими, какъ эксплоататорами рабочихъ массъ. Присутствовавшій при этомъ молоканинъ сталъ на дыбы. Онъ сталъ доказывать, что и богатый, если онъ только добродѣтельный, можетъ войти въ царствіе небесное, и въ примѣръ привелъ Іова. Меня взорвало это. Я сталъ доказывать, что Іовъ дѣйствительно попалъ въ царствіе небесное, но послѣ того, какъ онъ много перетерпѣлъ, т. е. послѣ того, какъ потерялъ дѣтей и все свое богатство. Эффектъ получился, конечно, поразительный. Приходилось читать даже псалтырь. Я не охотенъ былъ до псалмовъ Царя Давида, но какъ-то разъ одному изъ моихъ слушателей вздумалось попросить меня почитать вслухъ псалтырь. Ничего не подѣлаешь—пришлось уступить. Не припомню теперь, какой именно псаломъ подвернулся мнѣ. Началъ читать. Аудиторія насторожилась. Воцарилось молчаніе,—важное, торжественное. Не прошло нѣсколько минутъ, какъ я самъ подчинился этому настроенію—и чтеніе полилось тоже торжественное. Слушатели мои остались тоже довольны.

Авторитетъ мой еще больше возросъ въ деревнѣ, когда стало извѣстнымъ, что на земскомъ собраніи единогласно было постановлено выдать мнѣ 100 руб. въ награду за мою «ревностную службу». Это событіе надѣлало тогда въ уѣздѣ много шума. Гласные— крестьяне изъ села Лупина (большое торговое село)—настойчиво просило меня къ нимъ переѣхать. Служебное мое положеніе, такимъ образомъ, вполнѣ утвердилось. Въ серединѣ зимы ко мнѣ прислали фельдшера, недавно только окончившаго пензенскую фельдшерскую школу. Это оказался юноша еще, весьма толковый и даровитый. Между нами скоро установились хорошія отношенія. Ему приходилось быть невольнымъ свидѣтелемъ моихъ собесѣдованій

съ больными и здоровыми пензяками. Онъ, помнится, никогда не вмѣшивался въ мой разговоръ, но, когда мы оставались наединѣ, онъ вступалъ со мною въ споръ, по поводу моей пропаганды и убѣжденно отстаивалъ свои, совершенно лойяльныя, убѣжденія. С. В. П-овъ,—такъ звали фельдшера,—оказался, такимъ образомъ, не только дѣльнымъ фельдшеромъ, но и искреннимъ, убѣжденнымъ человѣкомъ. Съ нимъ надо было считаться. У него были большіе умственные запросы, но онъ былъ мало развитъ и мало свѣдущъ. Я и обратилъ все свое вниманіе на его развитіе, тѣмъ болѣе, что мнѣ приходилось только итти на встрѣчу его собственнымъ горячимъ желаніямъ. И я началъ совмѣстно съ нимъ читать. Нелегальныя и легальныя «книжки» ничуть не удовлетворяли его. Его умъ требовалъ серьезной работы. Я досталъ изъ управской библіотеки нѣсколько серьезныхъ книгъ по исторіи, беллетристики и журналистики. Шлоссера («Исторія XVIII столѣтія») мы прочли отъ доски до доски всѣ 8 томовъ. Днемъ у насъ было много работы по больницѣ, амбулаторіи и аптекѣ. Кромѣ того, по собственному предложенію П—ова, я проходилъ съ нимъ практическій курсъ діагностики внутреннихъ болѣзней, пользуясь тѣмъ матеріаломъ, который у насъ въ больницѣ былъ подъ руками. Въ нашемъ распоряженіи оставались только вечера и ихъ-то мы употребляли на совмѣстное чтеніе. Чтеніе пошло весьма удачно, весьма успѣшно. Юноша точно воскресъ. Умная голова его заработала энергично, а натура у него была здоровая, цѣльная. Такой человѣкъ всегда найдетъ настоящую дорогу. Моя радость была велика, когда я сталъ замѣчать, что онъ сталъ самъ интересоваться тѣми вопросами, которые такъ близки были мнѣ.

Я нерѣдко его заставалъ бесѣдующимъ съ больными по поводу тѣхъ же «проклятыхъ вопросовъ» крестьянства, которые служили и для меня нескончаемой темой для разговоровъ. Однимъ словомъ, въ умственной жизни П—ова начался тотъ благодѣтельный переломъ, который мы, интеллигентные люди, сами переживали. Такъ проходили дни за днями въ дружной работѣ и здоровомъ отдыхѣ. Но судьбѣ угодно было совершенно неожиданно для меня разлучить меня съ муратовцами и П—овымъ

Во вторую половину 1875 г. въ больницу былъ назначенъ врачъ С—ковъ. Это былъ ужъ очень пожилой человѣкъ, ветхозавѣтный и по общественнымъ своимъ воззрѣніямъ, и по медицинскимъ знаніямъ. Онъ никакъ не могъ взять со мною настоящаго тона: то онъ обращался со мною, какъ съ товарищемъ-врачемъ, предоставивъ мнѣ полную медицинскую самостоятельность, особенно въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ ему, по недостатку знаній, не хотѣлось рисковать, то вдругъ третировалъ меня, какъ фельдшера. Противъ послѣдняго я собственно ничего не имѣлъ и даже желалъ этого ради моего товарища П—ова. Но онъ чувствительно задѣлъ меня особою ехидной своей манерой. Онъ зналъ, что я «красный», «демократъ», «либералъ»—все это сплелось въ клубокъ въ старой головѣ моего коллеги—а потому онъ сталъ меня частенько отрывать отъ больницы, амбулаторіи, т.-е. отъ непосредственнаго ухода за мужиками и посылать къ помѣщицамъ и помѣщикамъ—для чего-бы,

вы думали? не для того, чтобы я ихъ самъ, по своему разумѣнію или назначенію хотя бы самого С—ова лечилъ—нѣтъ! чтобы я имъ ставилъ банки, пьявки, клизмы, растиралъ и пр., потому, что этого именно требуютъ сами помѣщики и помѣщицы. Я протестовалъ; дѣло дошло до предсѣдателя, который, во избѣжаніе недоразумѣній и столкновеній, предложилъ мнѣ взять самостоятельное мѣсто фельдшера въ одномъ изъ самыхъ запущенныхъ угловъ Мокшанскаго уѣзда.

Я по необходимости согласился и, распрощавшись съ Муратовкой, выѣхалъ въ Мокшаны.

Такъ неожиданно оборвалась слишкомъ годичная работа моя въ Муратовкѣ.

Глава V.

Переходный моментъ въ исторіи революціоннаго движенія. 1876 годъ. Критическая оцѣнка пропагандистской дѣятельности въ народѣ. Возвращеніе къ „бакунизму". Зарожденіе „революціоннаго народничества". Образованіе въ концѣ 1876 года „Сѣверной революціонно-народнической группы" или общества „Земля и Воля". Составъ ея членовъ. Характеристика ихъ. Уставъ общества „Земля и Воля". Организація его. Программа его. Первое выступленіе Общества на путь дезорганизаціи и агитаціи: освобожденіе Кропоткина 28 іюня 1876 года и „Казанская демонстрація" 6 декабря того же года. Организація деревенскихъ поселеній съ цѣлью агитаціи и организаціи народа въ началѣ 1877 года. „Южная революціонно-народническая группа". Попытка Дебагорія-Мокріевича, Фроленко и друг. вызвать возстаніе въ Каневскомъ уѣздѣ. Организація „Тайной дружины" или „Чигиринское дѣло" Стефановича и товарищей. „Лавристы" („марксисты" тожъ) въ Петербургѣ.

Февраль 1876 года я пробылъ въ Мокшанахъ въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій управы. Досуга у меня было достаточно. Досугъ же располагаетъ къ размышленію. Я оглянулся назадъ. Я прожилъ годъ слишкомъ въ Муратовкѣ. Что же я успѣлъ? Вопросъ этотъ, правда, и раньше приходилъ мнѣ въ голову, но за усиленной работой онъ не вставалъ предо мною съ такой выпуклостью, какъ теперь на досугѣ. Что же я успѣлъ?—застрялъ гвоздемъ въ моей головѣ этотъ назойливый вопросъ.

Я познакомился съ народомъ, съ народною средою. Это—несомнѣнный большой плюсъ въ моей работѣ.

Это—первый шагъ, безъ котораго дальнѣйшая моя работа была бы невозможна. Но что я успѣлъ въ смыслѣ распространенія соціалистическихъ идей въ народѣ? Я сталъ перебирать въ моей памяти впечатлѣнія послѣдняго года моей пропагандистской работы въ народѣ. Я увидѣлъ, какъ мало-по-малу, почти незамѣтно для меня самого, пропаганда соціализма въ массѣ стала отодвигаться на задній планъ и какъ, наоборотъ, насущные злободневные вопросы крестьянства выдвигались все болѣе и болѣе на авансцену. Я сталъ припоминать, какъ холодно относился народъ къ соціализму и, наоборотъ, съ какой горячностью и страстностью дебатировались тѣ вопросы, которые